

I.

Епархіальныя извѣстія

СПИСОКЪ

ПРАЗДНЫХЪ СВЯЩЕННИЧЕСКИХЪ МѢСТЪ.

Наименованіе села и уѣзда.	Число душъ муж. пола.	Количество зем- ли (дес. саж.).	Жалованья отъ казны
<i>Хотинскаго уѣзда:</i>			
С. Маршинець 1 м.	1232	68	—
С. Бѣлоуцы	758	33	—
<i>Оргѣвскаго уѣзда:</i>			
С. Погребены	581	33	400
<i>Бендерскаго уѣзда:</i>			
С. Кирютня 2 м.	1557	127	—
С. Абаклыджаба 2 м.	1780	99	—
<i>Измаильскаго уѣзда:</i>			
С. Вадулуй-Исакъ	477	15	400
С. Зернешты	370	16	600
С. Кіоселія-Мика	547	26	400
Г. Рени Вознесен. Соб. 2 м.	2169	—	300

Аккерманскаго уѣзда:

С. Фрумушика-веки	616	33	400
-----------------------------	-----	----	-----

Сорокского уѣзда:

С. Христичъ	682	33	400
-----------------------	-----	----	-----

С п и с о к ъ**ПРАЗДНЫХЪ ПСАЛОМЩИЧЕСКИХЪ МѢСТЪ.**

Наименоване села и уѣзда.	Колич. душъ. муж. пола.	Количество зем- ли, (дес. саж.).	Жалованья казни.
<i>Кишиневскаго уѣзда:</i>			
Г. Кишиневъ діак. м. при ц. 2 м. гимназіи .	—	—	440
С. Кацалены	333	33	400
С. Гидигишъ	642	33	—
С. Калмацуй	820	33	—
С. Сипотены 2 м.	1657	72	—
<i>Хотинскаго уѣзда:</i>			
С. Должокъ	546	33	400
С. Бѣлоусовка	806	37	400
С. Мошанецъ	525	33	400
С. Маршинецъ 2 м.	1232	67	—
С. Сынжера	388	33	400
<i>Бѣлецкаго уѣзда:</i>			
С. Гирчешты	636	33	—
С. Цыплешты	255	33	400
<i>Сорокского уѣзда:</i>			
С. Вышкоуцы	418	33	400
С. Кодряны	646	33	—
<i>Бендерскаго уѣзда:</i>			
С. Кирютня 2 мѣсто	1557	127	—

Оргѣвскаго уѣзда:

С. Березложъ	405	33	400
С. Суслены-Нисшіе	251	33	—
С. Гиришены.	770	33	—

Измаильскаго уѣзда:

Измаил. Покров. соборъ	1369	—	100
----------------------------------	------	---	-----

Аккерманскаго уѣзда:

С. Будаки	804	97	—
С. Ивановка Русская	1162	92	—
С. Акмангитъ 2 м.	1808	101	—

УМЕРШИИ.

Церкви с. Цыплештъ, Бѣлец. у., псаломщ. *Іустинъ Мушинскій*, 9 марта. Церкви с. Березложъ, Оргѣвскаго уѣзда псаломщикъ *Симеонъ Крецу*.

II.

Пожертвованія на соборъ.

Съ 1 января по 15 марта с. г. поступило: отъ поселянина с. Пражилы С. Морхая 1 р. 50 к., отъ аккерманскаго уѣзднаго полицейскаго управленія 1 р. 29 к., отъ благочиннаго 3 округа, бѣл. у., Г. Георгіанова 74 р. 80 к., отъ благочиннаго 4 округа того-же уѣзда С. Драганчула 9 р. 71 к., отъ благочиннаго 2 округа, сор. у., Д. Балицкаго 26 р. 70 к., отъ благочиннаго 1 округа того-же уѣзда В. В. Поповича 32 р. 47 к., благочиннаго 4 округа того-же уѣзда С. Щефир-

ца 57 р. 36 к., земскаго начальника 1 уч., хот. у., 88 к., частн. прис. повѣр. при к. о. судѣ Г. А. Мацока 1 р. 50 к., прихожанъ с. Кондратештъ чрезъ свящ. С. Кирсанова 2 р. 50 к., благочиннаго 2 окр., бенд. у., Г. Буги 28 р. 25 к., благочиннаго 1 окр. того-же у. А. Усиневича 14 р. 17 к., благочиннаго 5 округа орг. у. А. Балтаги 52 р. 15 к., каушанской вол. ссудо-сбер. кассы 50 р., благочиннаго 4 округа, изм. у., А. Грозава 76 р. 85 к., надушитскаго вол. правленія 3 р. 35 к., благочиннаго 1 окр., изм. у., І. Кириллова 181 р. 20 к., благочиннаго 1 окр., хот. у., А. Софроневича 125 р. 63 к., отъ купца Е. К. Панаіоти 100 р., Маріи Иван. Херцъ, землевладѣлицы с. Фламынзень 100 р. Итого 940 р. 31 к., а съ прежде-поступившими 50,052 р. 31 к.

21 февраля 1613 года.

(Къ 300-лѣтію дома Романовыхъ).

(Окончаніе *).

— Какъ ни трагична была судьба семьи Грознаго, завершившей исторію старой династіи, однако, нельзя смотрѣть на насильственное и таинственное пресѣченіе этой династіи, какъ на причину смуты **). Оно было лишь внѣшнимъ поводомъ, чтобы ярче открылись внутренніе недуги общественно-политической жизни Россіи конца XVI вѣка, чтобы выпуклѣе обозначились всѣ ея язвы и раны. Не солидарнымъ и объединеннымъ встрѣтило наступившіе годы бѣдствій русское общество, но какъ разъ здѣсь рѣзко опредѣлились классовыя противорѣчія и соціальныя антагонизмъ. Причудливой вереницей выступали во время смуты отдѣльные классы русскаго общества, настойчиво заявляя о своихъ нуждахъ и требованіяхъ. И каждый классъ искалъ своего царя или ставилъ своего кандидата на царство. Поэтому

*) См. № 9 «Киш. Епарх. Вѣд.» за 1913 годъ.

***) Такъ какъ смутная пора въ Московскомъ государствѣ совпала съ угасаніемъ дома Калиты, то очень соблазнительно поставить ее въ причинную связь съ этимъ событіемъ. И въ современной ученой исторической литературѣ распространенъ взглядъ, по которому смута является слѣдствіемъ насильственного и таинственного пресѣченія старой династіи. Такъ освѣщаетъ эпоху смуты одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ знатоковъ русской исторіи, проф. Ключевскій. «Въ ходѣ смуты, говоритъ онъ, вскрываются ея причины. Смута была вызвана событіемъ случайнымъ, пресѣченіемъ династіи. Вымираніе семьи, фамиліи, насильственное или естественное,—явленіе, чуть не ежедневно нами наблюдаемое; но въ частной жизни оно мало замѣтно. Другое дѣло, когда кончается цѣлая династія. У насъ въ концѣ XII в. такое событіе повело къ борьбѣ политической и соціальной.

всѣ цари и претенденты, —выплывавшіе съ разныхъ сторонъ замутившагося политическаго горизонта русской жизни въ разные періоды смуты и двигавшіеся по нему въ такомъ пестромъ изобиліи, что изъ нихъ можно создать цѣлую портретную галерею, — были лишь знаменами, подъ которыми шли другъ на друга разныя политическія стремленія и боролись отдѣльные классы. Участіе въ смутѣ разныхъ общественныхъ слоевъ дѣлало ее движеніемъ затыжымъ, томительно-нуднымъ, недаромъ получившимъ у современниковъ и древнихъ книжниковъ названіе «смятенія» или «смутныхъ временъ». А вмѣшательство въ нее «дна» тогдашней жизни: «сироты-народа», холопства, казацкихъ и польскихъ шаекъ, донскихъ, днѣпровскихъ и вислинскихъ отбросовъ московскаго и польскаго общества, обрадовавшихся легкости грабежа въ замутившейся странѣ, — придало ей характеръ разрушительный, произвело впечатлѣніе страшнаго потрясенія, колебавшаго самыя глубокія основы государства. Смута всколыхнула жизнь до самаго основанія и показала съ одной стороны возможную глубину паденія, съ другой всю высоту религіознаго и національнаго подъема древней Руси.

Поднявшіеся во время смуты со своими нуждами и стремленіями разные классы входили въ нее въ той послѣдовательности и въ томъ порядкѣ, въ какомъ они лежали въ тогдашнемъ составѣ русскаго общества, какъ были размѣщены по своему сравнительному значенію въ государствѣ на соціальной лѣстницѣ. На верху этой лѣстницы стояло высшее боярство «княжье»: оно и затѣяло смуту, давъ волю своимъ олигархическимъ тенденціямъ.

Оно возстало противъ Бориса Годунова, который хотя и былъ царемъ боярскимъ, но вовсе не былъ за бояръ и не склоненъ былъ потакать аристократическимъ проискамъ высшаго боярства, а былъ расположенъ править государствомъ такъ же самовластно, какъ правилъ Иванъ Грозный. Это создавало противъ него сильную и ожесточенную оппозицію среди высшаго боярства, такъ какъ въ рядахъ его было много родовитѣйшихъ фамилій, имѣвшихъ, по понятіямъ того времени, больше правъ на престолъ, чѣмъ «рабоцарь» (царь изъ рабовъ) и «проныръ лукавый» Годуновъ. Таковы Шуйскіе, которые не только гордились своимъ происхожденіемъ отъ князей Рюриковичей и по родовитости стояли выше самихъ князей Московскихъ, но и блиста-

ли выдающимися военными и административными талантами. Таковы потомки чужого рода Гедиминовичей—кн. Мстиславские и Голицыны, стоявшие всегда рядомъ съ Шуйскими во главѣ боярства. Такова, правда, нетитулованная фамилія Романовыхъ, но не затерявшаяся среди «княжатъ», съ половины XV вѣка плотной стѣной окружившихъ московскихъ князей, а сумѣвшая все время держаться на самой вершинѣ лѣстнической боярской лѣстницы и особенно сильная при послѣднихъ царяхъ своимъ близкимъ кровнымъ родствомъ съ угасшей династіей Ивана Калиты: «Никитичи», сыновья Никиты Юрьевича Романова, современники Годунова, приходились двоюродными братьями скончавшемуся царю Феодору Ивановичу *).

Не разъ еще при Феодорѣ Ивановичѣ разбитая Борисомъ въ открытой борьбѣ, а потомъ задавленная широко раскинутой имъ сложной сѣтью тайнаго полицейскаго надзора и частыми опалами, боярская знать вмѣстѣ съ вѣковыми преданіями и аристократическими традиціями скрылась по подворьямъ, усадьбамъ и дальнимъ тюрьмамъ. Отсюда она повела тайную интригу противъ Бориса, глухо роптала на него и не уставая ткала причудливое кружево политической клеветы, которую она кидала въ лицо Борису, съ тревогою искавшему скрытыя нити повсюду разбросаннаго боярскаго заговора. Какія только подозрѣнія и нареканія не были завиты боярствомъ въ это кружево политической клеветы, которыя потомъ незримыя уста разнесли по всему міру. Тутъ и углицкое пятно, еще до сихъ поръ окончательно нестертое историками съ Борисова лица; тутъ и брызги крови добраго царя Феодора и его дочери, ребенка Феодосьи, тяжелымъ камнемъ упавшія даже на злодѣйскую совѣсть Бориса; тутъ и поджогъ Москвы, произведенный имъ тотчасъ-же по убіеніи царевича Димитрія, чтобы отвлечь вниманіе царя и столичнаго общества отъ углицкаго злодѣянія; тутъ, наконецъ, нечистая и хитро-организованная махинація избранія Бориса на престолъ, дѣйствовавшая тайными подкупами, подставными агентами и казенными приставами, которые угрозой тяжелыхъ штрафовъ и палками сгоняли народъ къ Новодѣвичьему монастырю челомъ бить и «всѣмъ міромъ» просить Бориса на царство. Но

*) Къ боярской-же знати принадлежали князья Сицкіе, Шестуновы, Черкасскіе, Рѣпнины, Карповы и др.

вся эта сложная политическая клевета, съ такой изобрѣтательностью, навѣшиваемая боярствомъ на имя Годунова, оказалась не тяжелой, наносившей ему смертельный ударъ, палицей, а тонкой, хотя и колючей кисеей, которая легко расползалась отъ нажима опытной руки Бориса, потому что онъ былъ все же сильнѣе боярства. Извѣстный и вліятельный уже во времена грознаго царя, какъ любимый его опричникъ, но не запятнавшій себя участіемъ въ чудовищныхъ оргіяхъ опричнины. фактической правитель государства при кроткомъ царѣ Θεодорѣ, выработавшій за эти два царствованія вкрадчивую осторожность и большой политической опытъ, царь, избранный земскимъ соборомъ и въ то же время опиравшійся на «родство по свойству» съ угасшей династіей, а также располагавшій колоссальнымъ богатствомъ, дававшимъ ему ежегоднаго дохода до 100 тыс. руб., популярнѣйшій человекъ того времени и обаятельная личность, какъ «мужъ зѣло чуденъ, въ разсужденіи ума доволенъ и сладкорѣчивъ, весьма благовѣренъ и нищелюбивъ и строителенъ зѣло»,—Борисъ представлялъ внушительную политическую величину и имѣлъ всѣ данныя стать основателемъ новой династіи. И не политической клеветѣ одиноко стоявшей среди русскаго общества боярской знати повалить было Бориса. Для этого нужно было создать другое, болѣе героическое средство, которымъ можно было воздѣйствовать на психологію народной массы, поднять ее и втянуть въ интригу въ качествѣ пассивнаго орудія. А такъ какъ въ глазахъ народа сильнѣе и выше Бориса была лишь старая династія, то свергнуть его съ престола можно было только во имя ея. И боярство не остановилось предъ этимъ: оно воскресило Димитрія въ лицѣ самозванца и имъ уничтожило Годуновыхъ. Такимъ образомъ, мысль о самозванцѣ, какъ вполне справедливо заключаетъ проф. Ключевскій, «была высижена въ гнѣздѣ наиболѣе гонимаго Борисомъ боярства. Винили поляковъ, что они его подстроили, но онъ былъ только испеченъ въ польской печкѣ, а заквашенъ въ Москвѣ».

Выдвинутый боярствомъ для опредѣленной цѣли и сослужившій свою службу, Лжедмитрій I-й изъ полезнаго орудія политической борьбы теперь превратился въ ненужную обузу, въ помѣху, заградившую путь къ престолу, которую боярство поторопилось убрать на задворки, продержавъ свою «ряженую куклу» на престолѣ

всего одиннадцать мѣсяцевъ. По удачному выраженію Костомарова—«Лжедимитрій уничтожилъ Годуновыхъ и самъ исчезъ, какъ призракъ, оставивъ за собою страшную пропасть, чуть было не проглотившую московское государство». На полѣ битвы теперь оставалась хозяйничать одна боярская знать, которая и постаралась въ своихъ узкихъ цѣляхъ использовать положеніе побѣдителя. Выбравъ на царство человѣка своей партіи — князя В. И. Шуйскаго, стоявшаго въ центрѣ заговора, низложившаго самозванца,—она вырвала изъ его рукъ очень важный для нея политическій документъ—подкрестную запись, на основаніи которой Шуйскій обѣщался править государствомъ. За этимъ документомъ, несомнѣнно, стоятъ политическія стремленія высшаго боярства, его *ria desideria*. Къ сожалѣнію историки, неодинаково оцѣниваютъ политическое значеніе подкрестной записи Шуйскаго, чтобы можно было во всей ясности и исторической несомнѣнности воспроизвести тѣ политическіе идеалы, которые толкали боярство въ смуту, и точно опредѣлить, какъ далеко заходило оно въ своей попыткѣ обезпечить за собой положеніе въ государствѣ. Проф. Ключевскій считаетъ ее конституціонной хартіей, формально ограничивающей верховную власть. «При всей неполнотѣ своей, говоритъ онъ, подкрестная запись царя Василя есть новый, дотолѣ небывалый актъ въ московскомъ государственномъ правѣ: это—первый опытъ построенія государственнаго порядка на основѣ формально-ограниченной верховной власти». Совсѣмъ иной политическій смыслъ и другой политическій колоритъ придаетъ подкрестной записи царя Шуйскаго проф. Платоновъ. «Во всей записи, по его мнѣнію, трудно найти дѣйствительное ограниченіе царскаго полновластія, а можно видѣть только отказъ этого полновластія отъ недостойныхъ способовъ его проявленія; царь обѣщаетъ лишь воздерживаться отъ причудъ личнаго произвола и дѣйствовать посредствомъ суда бояръ, который существовалъ одинаково во всѣ времена московскаго государства, и былъ всегда правоохранительнымъ и правообразовательнымъ учрежденіемъ, не ограничивающимъ однако власти царя». Какъ бы различно мы ни оцѣнивали политическое значеніе подкрестной записи Шуйскаго, несомнѣнно одно: стоявшее за ней высшее боярство не сумѣло подняться выше своихъ узко-сословныхъ интересовъ и подумать о другихъ

общественныхъ слояхъ. Оно поспѣшило обезпечить себя главнымъ образомъ отъ того произвола верховной власти, отъ котораго оно такъ много терпѣло при Грозномъ и Годуновѣ, закрѣпивъ съ этой цѣлью значеніе боярской думы, какъ полномочной сотрудницы царя въ дѣлахъ политическаго суда.

Царь-заговорщикъ, вынесшій на Московскій престолъ старобоярскія традиціи XV в. и ничему не научившійся въ эпоху Грознаго, Шуйскій не могъ взять въ свои руки дѣло строенія государства и установить въ немъ порядокъ. Напротивъ, время царя Шуйскаго—время полного развала государства,—поворотный моментъ въ исторіи нашей смуты, когда она изъ движенія чисто-политическаго, руководимаго боярствомъ, превращается въ движеніе стихійно-народное и принимаетъ характеръ глубокой соціальной борьбы. Этотъ поворотъ въ развитіи смуты объясняется не только личными качествами новаго царя и способомъ вступленія его на престолъ, сколько соціальнымъ значеніемъ той среды, на которую онъ опирался. Правда, трудно представить себѣ среди тогдашней боярской знати личность менѣ популярную въ народѣ,—личность, которая внушала-бы къ себѣ такъ мало довѣрія, какъ князь Шуйскій. Совсѣмъ невзрачный скупой старикъ, болѣе хитрый, чѣмъ умный, проводившій время въ обществѣ колдуновъ да наушниковъ, весь изолгавшійся и изынтриговавшійся, благодаря интригѣ чуть было не попавшій на позорную плаху и оторванный отъ нея только великодушіемъ самозванца, имѣвшій за спиной одинъ лишь активъ—знатность происхожденія,—онъ представлялъ образецъ политической безнравственности того времени. А будучи, по удачному выраженію Соловьева, *«не избранъ, а выкрикнутъ царемъ»* кучкою своихъ приверженцевъ, случайнымъ сборищемъ московскихъ людей, *«по много-мятежному людей хотѣнію»*, онъ въ сущности являлся такимъ же самозванцемъ изъ боярской среды, какъ и Лжедимитрій I-й. И личность царя Шуйскаго — типичнаго политическаго хамелеона, и его вступленіе на престолъ безъ законнаго избранія земли,—все это, конечно, дѣлало его положеніе на престолѣ непрочнымъ, колебало подъ нимъ престолъ, но не это всколыхнуло народную стихію, развязало въ ней дурные общественные соки и привело ихъ въ сильное броженіе. Все несчастіе Шуйскаго заключалось въ томъ, что онъ царствовалъ

при помощи старой родовой аристократии. Современники прямо говорят, что при Шуйском бояре имѣли больше власти, чѣмъ самъ царь, ссорились съ нимъ, интриговали противъ него; — словомъ ни-во-что ставили его. Между тѣмъ къ XVII вѣкѣ боярская аристократія представляла быстро разлагавшуюся социальную группу, которая теряла бывшее значеніе въ политической и общественной жизни. Уже съ половины XVI вѣка она вступала въ полосу кризиса и переживала тревогу и раздраженіе. Съ этого времени стали колебаться тѣ два' устоя, на которыхъ покоилось привилегированное политическое и общественное положеніе высшаго боярства — «Государевъ Родословецъ» *) и крупное боярское землевладѣніе. Политическій авторитетъ боярства подрывали московскіе государи, которые, видя въ князатахъ «своихъ лукавыхъ и прегордыхъ рабовъ», не считали нужнымъ стѣсняться ихъ мнѣніями и руководствоваться ихъ совѣтами, и думали, что «подъ повелителями и приставниками имъ быти не пригоже», ибо, какъ спрашивалъ себя о себѣ-же самомъ Грозный, «какоже и самодержецъ наречется, аще не самъ строить?» Боярское же землевладѣніе падало и расплзалось подъ вліяніемъ цѣлаго ряда разнообразныхъ причинъ. На упадкѣ крупнаго боярскаго землевладѣнія прежде всего сказался начавшійся въ пятидесятыхъ годахъ XVI ст. процессъ перехода Московскаго государства отъ чисто-натуральнаго хозяйства къ хозяйству денежному, — процессъ, затронувшій самую глубины экономической народной жизни и болѣзненно отозвавшійся на боярскомъ землевладѣніи. Возникающее денежное хозяйство измѣнило самую юридическую природу боярскаго помѣстнаго землевладѣнія — его неотчуждаемость. Неотчуждаемость помѣстья стояла въ прямомъ противорѣчии съ нарождающимся денежнымъ хозяйствомъ, потому что денежное хозяйство требуетъ свободы гражданскаго оборота земли: при новыхъ рыночныхъ условіяхъ настоятельно необходима возможность обращенія недвижимости въ движимый капиталъ и наоборотъ — движимаго капитала въ недвижимость, а также необходимъ переходъ земли изъ рукъ въ руки. И вотъ въ нѣдрахъ хо-

*) «Государевъ Родословецъ» — это официальная родословная книга, содержащая въ себѣ поименныя росписи важнѣйшихъ служивыхъ родовъ, по которой опредѣляется ихъ знатность и родовитость.

зййственнаго переворота, начавшагося въ половинѣ XVII в., постепенно исчезало понятіе о прочности боярской земельной собственности, такъ какъ господствовавшая прежде неподвижная, исключавшая право распоряженія форма земельного владѣнія—служилое помѣстье—поколебалась въ своихъ основахъ, стала постепенно мѣнять свою юридическую природу, приспособляясь къ новымъ условіямъ, властно требовавшимъ свободнаго гражданскаго оборота земли.

Большую роль въ процессѣ разложенія боярскаго землевладѣнія сыграла также рѣзко выраженная колонизація русскаго народа, широкой волной отливавшего во второй половинѣ XVII в. изъ Центра *) Московскаго государства, гдѣ были сосредоточены боярскія земли, на его окраины, на Сѣверь**) , Степь***) и Прикамье****). Эта поразительная по своей напряженности колонизація, отмѣченная какъ иностранцам—иФлетчеромъ, Поссевинымъ, такъ и нашими актами и писцовыми книгами, вызывалась крайне безпорядочнымъ, хищническимъ веденіемъ хозяйства на помѣстныхъ земляхъ. Цѣлый рядъ официальныхъ актовъ вскрываетъ всѣ отрицательныя стороны системы, господствовавшей въ помѣстныхъ хозяйствахъ: помѣщики разгоняли и грабили крестьянъ, вырубали лѣса, истощали землю, пахали ее «наѣздомъ», безъ всякой системы и порядки, не жили въ помѣстьяхъ, а сдавали ихъ въ аренду постороннимъ людямъ, которые старались извлечь для себя въ возможно болѣе короткое время наибольшій доходъ изъ арендованной земли, не заботясь о сохраненіи ея производительныхъ силъ на будущее время. Если прибавить ко всему этому еще то обстоятельство, что запашка на дворъ въ помѣстьяхъ была обыкновенно меньше, чѣмъ въ земляхъ черныхъ, казенныхъ (такъ, на примѣръ, въ 1582 году въ Обонежской пятинѣ—нынѣшней Олонецкой губер.—въ черныхъ волостяхъ на крестьянскій дворъ приходилось въ среднемъ около четырехъ-пяти десятинъ пашни во всѣхъ трехъ поляхъ, въ помѣстьяхъ—около двухъ-трехъ десятинъ), то будетъ вполнѣ по-

*) Нынѣшнія губер.: Московская, Тверская, Ярославская, Владимирская, Нижегородская.

**) Архангельская, Олонецкая, Вологодская губ.

***) Калужская, Тульская, Рязанская.

****) Казанская, Вятская. Пермская.

нятенъ небывалый отливъ населенія, массами уходившаго изъ центра на окраины. Этотъ отливъ подрывалъ хозяйственную мощь крупныхъ центральныхъ землевладѣльцевъ, бывшихъ удѣльныхъ князей и большихъ бояръ; онъ отнималъ у нихъ рабочія руки и вызывалъ ликвидацію боярскихъ хозяйствъ, которыя закладывались и продавались большею частью капиталистамъ того времени—монастырямъ.

Наконецъ, послѣдній ударъ боярскому землевладѣнію былъ нанесенъ опричниной Грознаго, сопровождавшейся передѣломъ боярскихъ земель. Срывая со старыхъ, насиженныхъ мѣстъ и разметывая по новымъ далекимъ и чуждымъ мѣстамъ однихъ бояръ, и переводя на новую опричную службу другихъ,—она произвела систематичную ломку землевладѣнія служилыхъ княжатъ почти на всемъ пространствѣ государства. Полную картину потрясеній, пережитыхъ въ опричинѣ боярскимъ землевладѣніемъ, даетъ Флетчеръ. Онъ рассказываетъ, что «Грозный, учредивъ опричину, захватилъ наслѣдственныя земли княжатъ, за исключеніемъ весьма незначительной доли, и далъ имъ другія земли въ видѣ помѣстій, которыми они владѣютъ, пока угодно царю, въ областяхъ столь отдаленныхъ, что тамъ они не имѣютъ ни любви народной, ни вліянія, ибо они не тамъ родились и не были тамъ извѣстны».

Такимъ образомъ боярская аристократія вступила въ XVII в. ослабленной экономически и хирѣющей политически и, разумѣется, не могла служить надежной опорой для такъ нуждавшагося въ этомъ Шуйскаго, который по своимъ личнымъ качествамъ не могъ импонировать, подобно Годунову, остальнымъ слоямъ русскаго общества. Другой-же опоры у Шуйскаго не было и не могло быть. Связавъ себя и своимъ избраніемъ и своимъ правленіемъ съ боярской знатью, онъ былъ далекъ, былъ чуждъ народу. Народъ не былъ соединенъ съ нимъ той нравственной связью, той симпатіей, которая одна въ состояніи сообщить власти несокрушимую силу. А такъ какъ боярская аристократія являлась и экономически и политически слабой соціальной группой, представляла не столько силу настоящаго, сколько уходившаго въ даль прошлаго,—маленкій осколокъ этого прошлаго, уцѣлѣвшій среди новыхъ болѣе толстыхъ и компактныхъ наслоеній настоящаго; Шуйскій, опираясь на нее, не могъ ко-

нечно, сдѣлаться узломъ, связывающимъ всѣ отношенія уже качавшагося государства. стать тѣмъ центромъ, который сковываетъ центробѣжныя силы общества, удерживаетъ ихъ на извѣстномъ необходимомъ уровнѣ равновѣсія и предохраняетъ отъ полного распада. Равновѣсіе было нарушено и начался распадъ какъ государства, такъ и общества.

Противъ царя Шуйскаго и того порядка, неудачнымъ представителемъ котораго онъ являлся, возстали всѣ слои русскаго общества. Отъ боярской аристократіи, этой надежной опоры Шуйскаго отдѣлилось среднее боярство, которое увлекло за собою столичное дворянство и приказныхъ дѣльцовъ, дьяковъ. Этотъ второй слой правящаго класса, до сихъ поръ стоявшій въ сторонѣ отъ тревожныхъ событій смуты, дѣятельно вмѣшался въ нее съ момента вступленія на престолъ Шуйскаго. Зброшенные общей смутой или личнымъ честолюбіемъ въ бунтовской полурусскій—полупольскій станъ Тушинскаго Вора, руководители его выступили въ роли устроителей порядка, искали выхода изъ крайне остраго положенія Московскаго государства, надъ которымъ одновременно кружили и вились Шуйскій, Сигизмундъ, король польскій, и Воръ, оспаривая другъ у друга власть. И судьба Россіи, какъ гигантскій мячъ футбола, перекачивалась между ними, попадая изъ рукъ въ руки; за двѣ недѣли до низложенія Шуйскаго, «ссаженнаго» рязанскимъ дворяниномъ Захаромъ Ляпуновымъ и его друзьями и «насильствомъ» постриженнаго въ монахи (17 іюля 1610 года), нельзя еще было предсказать, въ чьихъ рукахъ останется мячъ. Въ такое острое для государства время представители тушинской нетитулованной знати—ростовскій митрополитъ Филаретъ, М. Салтыковъ и ихъ политическіе единомышленники, потерявъ вѣру въ Шуйскаго и Тушинскаго Вора, выступили со своимъ своеобразнымъ планомъ спасенія государства путемъ династической уніи Россіи и Польши, для чего они выдвинули кандидатуру польскаго королевича Владислава на русскій престолъ. Свой оригинальный планъ они закрѣпили въ важномъ политическомъ актѣ въ договорѣ съ королемъ Сигизмундомъ 4 февраля 1610 года, гдѣ они, стоя на высотѣ пониманія историческаго момента, выговорили сохраненіе полной автономіи Московскаго государства и вполнѣ проявили свое политическое лицо. Въ договорѣ 4 февраля просту-

пають, несомнѣнно, политическіе идеалы и стремленія «довольно-посредственной знати и выслужившихся приказныхъ дѣльцовъ». Это — люди безъ прошлаго, а будущее ихъ зависѣло отъ государственной милости. Они стремились достигнуть высшаго положенія въ государствѣ, подняться до боярской знати государевымъ благоволеніемъ да личными заслугами. Поэтому они служатъ то первому Самозванцу, то уходятъ въ Тушино достигнуть тамъ высокихъ должностей, а обманутые Воромъ, они не возвращаются въ Москву къ боярскому правительству Шуйскаго, а обращаются къ Сигизмунду. Анализируя договоръ 4 февраля, Ключевскій приходитъ къ заключенію, что «ни въ одномъ актѣ смутнаго времени русская политическая мысль не достигаетъ такого напряженія, какъ въ договорѣ Салтыкова и его товарищей съ королемъ Сигизмундомъ». Авторы договора, по его мнѣнію, хотѣли провести въ жизнь новую систему управленія, гдѣ идея ограниченія царской власти не только боярской думой, но и земскимъ соборомъ выростала гораздо ярче и полнѣе, чѣмъ въ въ подкрестной записи Шуйскаго, гдѣ формулированы права и преимущества не одного какого нибудь класса, а всего московскаго народа. Считая договоръ 4 февраля самой яркой точкой во всей политической исторіи смутнаго времени, Ключевскій указываетъ и источникъ тѣхъ либеральныхъ новинокъ, которыя были занесены въ него. «Общеніе съ поляками, знакомство съ ихъ вольнолюбивыми понятіями и нравами, говоритъ онъ, расширило политическій кругозоръ авторовъ договора, и они поставили королю условіемъ избранія его сына въ цари не только сохраненіе древнихъ правъ и вольностей московскаго народа, но и прибавку новыхъ, какими этотъ народъ еще не пользовался». Самый большой авторитетъ по изслѣдованію Смуты, Платоновъ вѣрнѣе и глубже, намъ думается, понялъ авторовъ договора 4 февраля, характеризуя ихъ не какъ новаторовъ, выступившихъ съ опредѣленной, подробно разработанной политической теоріей, а какъ консерваторовъ, — націоналистовъ, желавшихъ сохранить свой стародавній строй отъ тѣхъ нарушеній, которыя были возможны со стороны поляковъ. «Договоръ по его мнѣнію, не предполагаетъ никакихъ реформъ, незнакомыхъ московской жизни и не вошедшихъ въ сознаніе московскихъ людей. Ограниченіе единоличной власти Владислава думою и су-

домъ бояръ и совѣтомъ «всѣя земли» вытекало въ договорѣ не изъ какой-либо политической теоріи, а изъ обстоятельствъ минуты, приводившихъ на Московскій престолъ иноземнаго и ино-вѣрнаго государя. Это ограниченіе имѣло цѣлью не перестройку прежняго политическаго порядка, а, напротивъ, охрану и укрѣпленіе «звычайевъ всѣхъ давныхъ добрыхъ» отъ возможныхъ нарушеній со стороны непривычной къ Московскимъ отношеніямъ власти». Если въ немъ и было нѣчто новое и либеральное, такъ это—два условія, касавшіяся личныхъ правъ: 1) большихъ чиновъ людей безъ вины не понижать, а малочиновныхъ возвышать по заслугамъ; 2) каждому изъ народа московскаго для науки вольно ѣздить въ другія государства христіанскія, и государь имущество за то отнимать не будетъ. Но вводя нѣкоторыя либеральныя новинки, договоръ 4 февраля сохраняетъ нетронутымъ прежній строй соціальныхъ отношеній—крѣпостные порядки, устанавливавшіеся тогда на Руси, и холопство.

Трудно сказать, какими важными послѣдствіями былъ бы чреватъ этотъ договоръ, если бы онъ былъ осуществимъ и династическая унія Россіи и Польши была-бы введена. Быть можетъ, Московское государство тогда направилось бы совсѣмъ не потому пути, по которому оно потомъ пошло, освободившись отъ тяжелыхъ потрясеній смуты. Но, оставивъ нетронутымъ старый соціальный строй, договоръ 4 февраля не могъ удовлетворить общественные низы, внести успокоеніе въ клокотавшій котелъ, «дна» русской общественной жизни, откуда выходили самые грозные, самые бурливые элементы, готовые все смести, все уничтожить, которые фактически и овладѣли отдѣльными частями территоріи. Не говоря уже о козачествѣ, жившемъ въ лихорадкѣ и сильно бродившемъ послѣ того, какъ оно проводило перваго самозванца до Москвы, на югѣ поднялись холопы, съ ними соединился сирота—народъ. Такое-же движеніе сказалось отчасти на сѣверо-востокѣ, въ Новгородѣ и Псковѣ. «Сироты», всѣ обездоленные поднялись на «имушихъ богатыя влагалиша», бѣдность была прельщаема возможностью получить «воеводства и дьячества», она хотѣла брать за себя боярскихъ женъ и дочерей, забирать боярскія вотчины и помѣстья. Эта сборная толпа въ конечномъ итогѣ нашла свой лозунгъ въ лицѣ Тушинскаго Вора. Наконецъ, и провинціальное дворянство возстало, съ братьями Ляпуновыми

во главѣ,—то самое служилое дворянство, которое на зло боярской знати выбрало на престолъ Бориса Годунова и которое теперь дружно ринулось въ смуту, угрожая боярству и въ то же время защищая свои вотчины и помѣстья, а также и свои права на бѣжавшихъ крестьянъ отъ поднявшейся жакеріи. Такъ втянулись въ смуту всѣ общественные слои, но они двигались въ ней не объединенными, сомкнутыми рядами, а стояли враждебными лагерями и злыми, полными открытой вражды и ненависти, глазами измѣряли другъ друга. Уже современники переживаемыхъ событій или лица, писавшія вскорѣ послѣ смуты, отмѣчали полную обособленность интересовъ и взаимную рознь. Дьякъ Иванъ Тимоѣевъ, авторъ знаменитаго «Временника», такъ выражаетъ эту мысль на своемъ фигуральномъ языкѣ: «Мы другъ друзѣ любовнымъ союзомъ растояхомся, къ себѣ каждо насъ хребты обращомся—овіи къ востоку зрятъ, овіи же къ западу». Особенно тяжелымъ былъ тотъ періодъ, когда къ внутренней неурядицѣ присоединились и внѣшнія бѣдствія: шведы взяли Новгородскія земли, ногайцы подходили съ юга, поляки были въ Москвѣ. То былъ моментъ, когда Россія казалась на краю гибели, когда не только предъ государствомъ, но и предъ русской національностью и православной религіей стоялъ роковой вопросъ—быть или не быть. То былъ моментъ, когда въ вѣковомъ, ожесточенномъ спорѣ, который вели между собою два великихъ славянскихъ народа, русской и польскій, «передъ грозою» склонялись,—окончательно склонялись,—русскія знамена.

Но русской народъ тѣмъ великъ и тѣмъ отличается отъ другихъ націй, что въ немъ есть потайная, скрытая, могучая, живая сила. И въ періоды глубокихъ народныхъ потрясеній, въ трагическіе моменты исторіи эта скрытая сила развертывается во всю свою грозную мощь, достигаетъ необыкновеннаго напряженія, вынося русской народъ на пѣнящіеся гребни бурныхъ событій и дѣлая его хозяиномъ положенія. Нашествіе «великой арміи» «рокового человѣка»—Наполеона, котораго сама историческая судьба толкала въ сердце Россіи, русской народъ встрѣтилъ высокимъ подъемомъ, высокимъ напряженіемъ всѣхъ имѣющихся на лицо физическихъ и духовныхъ силъ. «Не по распоряженію начальства жители удалились въ лѣса и болота, оставляя

свои жилища на сожженіе... Въ рядахъ между солдатами не было уже бессмысленныхъ орудій, каждый чувствовалъ, что онъ призванъ дѣйствовать въ великомъ дѣлѣ». (Записки Якушкина). «Мы сражаемся не съ людьми, а съ тѣнями»,—сказалъ Наполеонъ, видя, какъ молча падаютъ русскіе, а за ними встаютъ все новыя молчаливыя и грозныя полчища. Морозомъ дохнулъ русскій народъ въ лицо Наполеона—и разлетѣлась его міровая сила, распалась его «великая армія»; отъ этого русскаго—*именно народнаго*--мороза погубило его дѣло. На мрачные вѣка крѣпостного права русскій народъ, говоря словами Герцена, отвѣтилъ рожденіемъ Пушкина. А на тяжелое «лихолѣтіе» (1610—1612 г.) Смутнаго времени онъ отозвался славнымъ и высокимъ подвигомъ обще-земскаго нижегородскаго ополченія, сумѣвшаго воскресить національное чувство и патріотизмъ, поднять «русскій материкъ»—среднія сословія, которыя были еще крѣпки въ сѣверо-восточныхъ областяхъ государства. Эти области, по словамъ Соловьева, «были относительно южныхъ въ цвѣтущемъ состояніи, здѣсь мирные промыслы не были прерываемы татарскими нашествіями, здѣсь сосредоточивалась дѣятельность торговая, особенно съ тѣхъ поръ, какъ открылся Бѣломорскій торговый путь, однимъ словомъ сѣверныя области были самая богатая, въ ихъ населеніи преобладали земскіе люди,—люди, преданные мирнымъ выгоднымъ занятіямъ, желающіе охранить свой трудъ и его плоды, желающіе порядка и спокойствія». Тутъ вѣтеръ смуты не успѣлъ еще окончательно разметать живыя и здоровыя ткани государственности. Тутъ нужно было лишь веретено, около котораго обвертѣлись-бы эти ткани и скрутились-бы въ такой плотный клубокъ, чтобы его нельзя было разрубить ни польскому палашу, ни кривой ногайской саблѣ. Тутъ нужны были высокій порывъ и вѣра въ скрытую мощь русскаго народа. Тутъ нужны были люди инціативы,—люди знакомые съ политическимъ положеніемъ и понимающіе дѣйствительныя политическія условія и отношенія. Нижегородское ополченіе не имѣло недостатка во всемъ этомъ. За нимъ стояла личность идейнаго руководителя его, патріарха Гермогена—человѣка чрезвычайной моральной силы и громаднaго политическаго вліянія, призывныя грамоты котораго мощнымъ набатомъ раздавались по Руси и сочувственнымъ эхомъ отзывались

въ помѣстныхъ мірахъ сѣвера и сѣверо-востока, гдѣ онѣ играли роль ориентирующаго маяка среди политическаго мрака и нравственной растерянности и будили мысль, что необходимо бороться всѣмъ за вѣру, родину и общественный порядокъ, и бороться не съ одной Польшей, но и съ казачествомъ. Надъ нимъ витала опредѣленная политическая философія князя Пожарскаго, выкованная бурными событіями смуты,—призывавшая повиноваться законнымъ властямъ, а не переметываться, не поддаваться «ворамъ». Свой-же лозунгъ нижегородское ополченіе нашло въ словахъ самаго яркаго, самаго крупнаго человѣка, своего земскаго старосты Минина, соединившаго идейную страстность съ практической опытностью и организаторскимъ талантомъ,—въ словахъ, которыя до сихъ поръ не превзойдены по силѣ одушевляющаго ихъ патріотическаго чувства.

Предъ нижегородскимъ ополченіемъ, организованнымъ Мининымъ и руководимымъ Пожарскимъ, стояли двѣ большія задачи: очищеніе русской земли отъ враговъ и возстановленіе государственнаго порядка избраніемъ государя. Начавъ съ большимъ подъемомъ въ октябрѣ 1611 года осуществленіе первой задачи, нижегородское ополченіе удачно разрѣшило ее. 26 октября 1612 г. Москва была очищена отъ поляковъ, были взяты послѣдніе пункты польской опоры—Китай-городъ и Кремль. Теперь предстояло выполнить другую, самую важную задачу, по направленію къ которой все время освободительнаго движенія толкала мысль ополченія политическая философія князя Пожарскаго,—нужно было организовать законное правительство, избрать царя. Пока не замѣщенъ былъ престолъ, все казалось шаткимъ, подвигъ очищенія русской земли—незаконченнымъ и завѣтъ патріарха—мученика не исполненнымъ. И впредь,—говорятъ источники того времени,—Московскому государству безъ государя нѣкоторыми дѣлами строиться не мочно; «а безъ государя ни на малое время быти не мочно». Уже изъ Ярославля 7 апрѣля 1612 г. вожди земскаго ополченія властно и опредѣленно пишутъ, что должно всѣмъ быть въ единеніи противъ общихъ враговъ Польскихъ, Литовскихъ, Нѣмецкихъ людей и Русскихъ воровъ и что должно прежде всего думать объ избраніи Государя. «Какъ безъ государя намъ о великихъ и государственныхъ и земскихъ дѣлахъ съ окрестными государями ссылатся,

какъ государству нашему впредь стоять крѣпко и неподвижно? Какъ противъ общихъ враговъ безъ Государя быть». Въ этихъ словахъ проступаетъ глубокое сознаніе и убѣжденіе въ единственномъ твердомъ основаніи народной жизни; съ ними по рѣшительности и безповоротности убѣжденія развѣ можно сопоставить лишь любимую поговорку москвичей: «если коренье, основаніе крѣпко, то и дерево неподвижно». Для подвижности государственнаго дерева нижегородская грамота указываетъ на крѣпкое коренье, на государя, избраннаго совѣтомъ всей земли. И неудавшаяся въ Ярославлѣ попытка организовать законную власть, избрать царя не могла разочаровать руководителей земскаго ополченія, не могла подавить, клиномъ вбитую смутой въ ихъ умы, идею всенароднаго «вселенскаго» или «всемірнаго совѣта». Вскорѣ же послѣ освобожденія Москвы, въ началѣ ноября того-же 1612 г., были разосланы по всѣмъ областямъ приглашенія выслать въ столицу выборныхъ, по десяти человѣкъ отъ города, «для государственныхъ и земскихъ дѣлъ» и главнымъ образомъ, «для избиранія государьскаго», которое должно быть совершено всякими людьми, отъ мала до велика». Въ самомъ началѣ 1613 г. стали съѣзжаться въ Москву депутаты, народные избранники всей земли—«власти, бояре и всякихъ чиновъ люди, какъ говоритъ Новый Лѣтописецъ, и стали думать, «кому быть на Московскомъ государствѣ».

Земскій соборъ, 1613 г. по своему составу и количеству давно считается историками наиболѣе полнымъ изъ всѣхъ соборовъ, дѣйствовавшихъ въ Московской Руси. На немъ присутствовали представители 50-ти городовъ, разбросанныхъ по всей территоріи государства отъ сѣвернаго Подвинья до Оскола и Рыльска, отъ Осташкова до Казани и Вятки». Соборъ 1613 г. былъ не только самымъ полнымъ по составу и люднымъ по количеству депутатовъ, но въ то же время это былъ первый и единственный всесословный соборъ, дѣйствительный органъ «всей земли», такъ какъ въ немъ принимали участіе и посадскіе и даже сельскіе обыватели. По догадкѣ изслѣдователей, на немъ всѣхъ представителей было до 700 человѣкъ, чѣмъ объясняется тотъ фактъ, что засѣданія его часто происходили въ Успенскомъ соборѣ. Когда выборные съѣхались, назначенъ былъ трехднев-

ный постъ, которымъ хотѣли очиститься отъ грѣховъ смуты и подготовить себя къ совершенію столь важнаго дѣла.

«О томъ, что происходило на соборѣ 1613 г.—говоритъ Платоновъ,—мы ничего точнаго не знаемъ, потому что въ актахъ и литературныхъ трудахъ того времени остались только отрывки преданій, намеки и легенды, такъ что историкъ здѣсь находится какъ-бы среди безсвязныхъ обломковъ знанія, восстановить обликъ котораго онъ не имѣетъ силъ». Дѣйствительно, на всѣмъ извилистомъ пути, по которому двигалась избирательная мысль депутатовъ собора и постепенно приходила къ личности Михаила Ѳеодоровича Романова, быть можетъ, удастся отмѣтить всего два—три момента, удачно изложенныхъ, но они, конечно, полной картины засѣданій намъ не развернуть и всей исторіи избранія не откроютъ. Несомнѣнно прежде всего одно: засѣданій собора было много и совѣщанія его очень затягивались, хотя и очень спѣшили съ вопросомъ избранія. «О государскомъ обираниі мыслили многое время» и «о томъ, кому благоволитъ Богъ на Владимірскомъ и на Московскомъ и на всѣхъ государствахъ Россійскаго царствія государемъ, царемъ и великимъ княземъ всея Руси быти, многіе соборы были». Константируя затяжной характеръ засѣданій, современники вскрываютъ причину медлительности собора въ обсужденіи столь важнаго вопроса. Засѣданія его были далеко не мирнаго свойства, а носили страстный характеръ, вызвали много острыхъ споровъ, соборъ сдѣлался ареной борьбы, гдѣ въ состязаніе вступали имена разныхъ кандидатовъ на престолъ русскій. По выраженію спокойнаго Новаго Лѣтописца:—«многое было волненіе всякимъ людямъ: койждо хотяще по своей мысли, дѣяти койждо про коево говоряще». А осторожный Костыревъ - Ростовскій мелькомъ говоритъ: «по многіе дни собраніе людьми бывало, дѣла же утвердить не могутъ и все мятутся сѣмо и овамо». И нельзя удивляться той большой страстности, той горячности дебатовъ, которая накаляла атмосферу соборныхъ засѣданій, ибо они вращались около самого жгучаго, самого больнаго вопроса текущаго историческаго момента. Въ продолженіе смуты русскій народъ столько разъ неудачно выбиралъ новыхъ царей, что теперь, овладѣвъ Москвою старались назвать такое имя, которое, дѣйствительно, являлось бы символомъ, объединяющимъ всѣхъ, и знаменемъ порядка и

спокойствія. Если къ этому прибавить, что нижегородское ополченіе шло подъ Москву безъ своего опредѣленнаго намѣченнаго кандидата, то понятна будетъ та разгоряченность атмосферы, въ которой проходило на соборѣ обсужденіе вопроса объ избраніи царя. Послѣ долгихъ споровъ соборъ фиксировалъ первое свое постановленіе, отвергнувши иноземныя и воровскую кандидатуры. «А литовскаго и свійскаго короля и ихъ дѣтей за ихъ многія неправды и иныхъ нѣкоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать, а Маринки съ сыномъ не хотѣть». Недаромъ соборъ сдѣлалъ такое постановленіе, царь изъ иностранцевъ многимъ тогда казался возможнымъ. Незадолго предъ соборомъ князь Пожарскій велъ самыя дѣятельныя сношенія со шведами относительно избранія на русскій престолъ Филиппа, сына Карла IX. Извѣстно, что Пожарскій шелъ изъ Нижняго подъ Москву очень медленно, потративъ на одну стоянку войска въ Ярославлѣ шесть мѣсяцевъ. Хотя Забѣлинъ старается оправдать эту медлительность соображеніями военнаго и финансоваго характера, но его доводы не настолько убѣдительны, чтобы могли вполнѣ освободить Пожарскаго отъ обвиненій Палицына и другихъ современниковъ, очень недовольныхъ его медленнымъ движеніемъ къ Москвѣ. Дѣло въ томъ, что Пожарскій время долгихъ стоянокъ отдаетъ не столько вопросамъ военнымъ и финансовымъ, сколько, съ одной стороны тому, что онъ очень внимательно прислушивается къ иностраннымъ кандидатурамъ на русскій престолъ, требуя отъ кандидатовъ лишь принятія православія; съ другой стороны, онъ разсылаетъ по всѣмъ сѣверо-восточнымъ городамъ грамоты, порочащія дѣятельность казаковъ подъ Москвой. Быть можетъ, у Пожарскаго и не было серьезнаго намѣренія принять иностранца, а былъ лишь дипломатическій маневръ, употребленный имъ съ цѣлью пріобрѣсти нейтралитетъ однихъ и союзъ другихъ; но боярство на соборѣ вполнѣ сознательно высказывало мысль объ иноземномъ царѣ, думая при немъ устроиться лучше, чѣмъ при русскомъ царѣ изъ своей же боярской среды. По крайней мѣрѣ, псковскій лѣтописецъ прямо говоритъ, что «начальницы» хотѣли «паки царя отъ иновѣрныхъ», т. е. Владислава, «народы же не восхотѣли сему быти». Боярство, выдвигавшее «паки» польскаго королевича Владислава, не имѣло вліянія на соборѣ. И его претендентъ являлся слишкомъ запоз-

далымъ эпигономъ, чтобы имѣть какіе нибудь шансы на успѣхъ. Онъ могъ лишь вызвать противъ себя сильную оппозицію съ двухъ сторонъ—со стороны народа и казачества. Народъ, который такъ часто видѣлъ насилія и грабежи, сопровождавшіе появленіе иноземной власти на Руси, и который иностранныхъ кандидатовъ считалъ «всей крови заводчиками», не могъ, естественно, симпатизировать иностранцу. Но самой страшной для кандидата—иностранца оппозиціей явилась неожиданно выдвинувшаяся на соборѣ новая сила—казачество. Побѣжденное земскимъ ополченіемъ и принужденное подчиняться нижегородскимъ властямъ, казачество поднималось и постепенно захватывало въ свои руки вліяніе съ того мementa, когда, послѣ освобожденія Москвы, стали разъѣзжаться изъ ополченія по дѣламъ въ свои помѣстья и вотчины служилые люди. Казачество же все оставалось въ Москвѣ и сдѣлалось самой многочисленной и вліятельной силой. На 2000 дворянъ и 100 стрѣльцовъ было 4500 казаковъ. Видя слабость дворянской рати, казаки буйствовали въ освобожденной Москвѣ, дѣлали, что хотѣли, не стѣсняясь временнымъ правительствомъ Пожарскаго, Минина и Трубецкаго. Но въ вопросѣ царскаго избранія они заявили себя патриотами, рѣшительно возстали противъ царя изъ чужеземцевъ. Зная численное превосходство казачества, можно вполнѣ повѣрить сохранившемуся до насъ любопытному показанію боярскаго сына Философова, который совершенно опредѣленно говоритъ о томъ, что на Москвѣ среди боярства было тогда немало приверженцевъ иностранной кандидатуры, но бояре боялись казаковъ. Такимъ образомъ, подъ давленіемъ народа и казачества были отвергнуты на соборѣ всѣ иностранные претенденты на Московскій престолъ.

Отстранивъ иностранцевъ, соборъ сталъ намѣчать кандидатовъ изъ Московскихъ родовъ. «Говорили на соборѣ о царевичахъ, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и о великихъ родахъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ... быть государемъ». Но выбрать и своего природнаго русскаго государя было не легко. «Московское государство, говоритъ Ключевскій—выходило изъ страшной смуты безъ героевъ; его выводили изъ бѣды добрые, но посредственные люди. Кн. Пожарскій былъ не Борисъ Годуновъ, а Михаилъ Романовъ—не кн. Скопинъ—Шуйскій».

При недостаткѣ настоящихъ выдающихся силъ наступила избирательная горячка съ ея неизбѣжными спутниками—агитаціей и подкупами. Откровенный лѣтописецъ говоритъ: «Многіе же отъ вельможъ, желаящи царемъ быти, подкупахуся. многимъ и даючи и обѣщаючи многіе дары». Соборъ распался на партіи между великородными искателями, изъ которыхъ преданіе называетъ князей Голицына, Мстиславскаго, Воротынскаго, Трубецкаго, М. Ѳ. Романова. Говорили также, что и кн. Пожарскій принималъ участіе въ выборной борьбѣ и домогался престола. Но въ рассказѣ о Пожарскомъ мы имѣемъ дѣло не съ достовѣрнымъ фактомъ, а самое большее—съ любопытнымъ выраженіемъ народнаго чувства. Скромный по отечеству и характеру предводитель ополченія, къ личности и имени котораго привыкла земля, невольно останавливалъ на себѣ вниманіе народа. И если на соборѣ политическіе, родовые, личные счеты и комбинаціи играли главную роль, то для чувства и памяти народной они отходили на второй планъ. Народная пѣсня поетъ, что выбираемъ мы себѣ въ цари изъ бояръ боярина славнаго князя Димитрія Пожарскаго сына, на что князь отвѣчалъ: «недостойнъ я такой почести отъ васъ». И вотъ въ то время, когда соборъ разбивался на партіи, когда «много избираючи искаху» и не могли ни на комъ остановиться: одни предлагали того, другіе другого, и всѣ говорили разное, «и тако препроводиша не малые дни»,—въ него вдругъ пошли одно за другимъ «писанія», петиціи за Михаила Ѳеодоровича Романова, представителя старѣйшаго изъ Московскихъ боярскихъ родовъ. «Писанія» эти подавались отъ дворянъ, большихъ купцовъ, отъ городовъ Сѣверской земли и даже отъ казаковъ. И на имени Михаила Ѳеодоровича Романова единодушно сошлись всѣ.

Самъ по себѣ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, тихій, мягкій и добрый 16-лѣтній мальчикъ, не успѣвшій еще ни въ чемъ себя проявить, могъ имѣть мало видовъ на престолъ, но онъ былъ той личностью, на которой сошлись главныя общественныя группы, заправлявшія тогда дѣлами. Онъ казался очень желательнымъ кандидатомъ тому вліятельному правящему Московскому боярству, которое удалилось отъ царя Василія въ Тушинъ и играло тамъ видную роль, держа въ своихъ рукахъ нити политическихъ направленій. Среди него было много родственни-

ковъ и приверженцевъ Романовыхъ, въ родѣ Ивана Годунова, князя Лыкова, Шереметева и свойственника ихъ казачьяго предводителя князя Трубецкаго. Здѣсь же въ Тушинѣ оказался и захваченный въ плѣнъ тушинцами ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ, отецъ будущаго царя, носившій въ Тушинѣ титулъ нареченнаго патріарха. Былъ моментъ, когда этотъ вліятельный боярскій элементъ на время скрылся съ горизонта политической дѣятельности,—это въ періодъ освобожденія Москвы. Когда же Москва была очищена отъ враговъ и когда поднялся вопросъ объ избраніи новаго царя, снова появляются у дѣлъ тушинскіе руководители, проявляя свою политическую опытность. Такіе тушинскіе бояре, какъ кн. Трубецкой, Шереметевъ и другіе, повидимому, энергично дѣйствовали на соборѣ въ пользу Михаила Ѳеодоровича Романова. Онъ, вѣдь, былъ связанъ узами кровнаго родства и свойства со всѣмъ почти тушинскимъ боярствомъ и былъ сыномъ самаго вліятельнаго тушинца, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ и въ сущности распоряжавшагося политикой Тушинскаго лагеря. И рядовое казачество, выдвигавшее сначала на престолъ сына своего тушинскаго царя,—«воренка», не особенно протестовало, когда соборъ, отвергнувъ его кандидата, кажется, даже не серьезно поставленнаго на конкурсъ самимъ казачествомъ, поставилъ впереди всѣхъ имя Михаила Ѳеодоровича. Имя это импонировало и казачеству. Помимо того, что Михаилъ Романовъ былъ сыномъ нареченнаго тушинскаго патріарха, за нимъ стояло имя его дѣда, выдающагося дѣятеля эпохи Грознаго. Никиты Романовича, создавшаго себѣ необыкновенную популярность среди населенія южной окраины, гдѣ онъ былъ организаторомъ станичной и сторожевой службы и откуда выходили въ смуту кадры казачества. Михаилъ Ѳеодоровичъ являлся желательнымъ кандидатомъ и для сѣверо-восточныхъ городовъ и посадовъ, гдѣ сорганизовалось земское нижегородское ополченіе. Здѣсь знали бояръ Романовыхъ, какъ крупныхъ помѣщиковъ, колоссальныя вотчины которыхъ раскинулись повсемѣстно—на западѣ, сѣверѣ и югѣ *). Но особенно громадныя владѣнія у нихъ были въ Ко-

*) Вотчины и имѣнія бояръ Романовыхъ находились: подъ Москвой и въ ея ближайшихъ окрестностяхъ, въ Муромскомъ Владимирскомъ, Юрьеве-Польскомъ (знаменитое въ исторіи рода село Клины) и Ярославскомъ

стромскомъ краѣ, гдѣ и находился будущій царь предъ избраніемъ. Поэтому всѣ почти служилые люди могли считать бояръ Романовыхъ своими сосѣдями, совѣтчиками, связанными общими мѣстными интересами. Кромѣ того, въ глазахъ служилаго дворянства имѣлъ большое значеніе и тотъ фактъ, что Романовы получили вліяніе въ эпоху опричнины, выдвинулись благодаря политикѣ Грознаго, враждебной и нетерпимой по отношенію къ титулованному боярству, и благоволившей служилому дворянству: Это подавало надежду, что новый царь будетъ продолжать политику Грознаго и будетъ опираться на дворянство. Такимъ образомъ, Михаилъ Романовъ являлся тѣмъ узломъ, который связывалъ разнообразныя соціальныя отношенія, тѣмъ именемъ, на которомъ сходились самые вліятельные и самые сильные общественные слои начала XVII в.: служилое дворянство, казачество и тушинское боярство.

На фонѣ только-что описанной соціальной картины вполне понятна одна въ высшей степени интересная сцена, рисуемая одинъ изъ моментовъ избранія и, по счастью, сохраненная въ одномъ изъ хронографовъ. Когда депутаты собора послѣ долгихъ, страстныхъ споровъ, послѣ блужданій «сѣмо и овамо», уже предварительно сговорились на имени Михаила Ѳеодоровича, когда уже опредѣлилось большинство въ пользу этого имени, поднялся какой-то дворянинъ изъ Галича, откуда производили перваго самозванца, и прочелъ на соборѣ «выпись» о родѣ Романовыхъ и прирожденномъ Государѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Но кандидатура Михаила Ѳеодоровича имѣла еще своихъ противниковъ. Раздались сердитые голоса: «кто принесъ такое писаніе, откуда?». Этотъ сердитый вопросъ очень характеренъ; онъ опредѣляетъ какъ среду, изъ которой онъ вышелъ, такъ и тѣ аргументы, которыми хотѣла оперировать эта среда, направляя ихъ остріе противъ кандидатуры Романова. Среда эта извѣстна, это—все то же титулованное боярство «княжье»: «Ехидно порожденіе» злобы нѣкоторыхъ,—говоритъ хронографъ,—стало «испу-

уѣздахъ. На западѣ отъ Москвы—въ Вязьмѣ. На югѣ—обширныя земли въ Калужскомъ, Епифанскомъ, Рязскомъ, Данковскомъ, Елецкомъ уѣздахъ. Земельныя владѣнія Романовыхъ, несомнѣнно, были очень велики. Недаромъ въ официальной біографіи патріарха Филарета упоминается, что царь Борисъ «отнялъ у Никитичей премногая имѣнія».

шать своя блеотины». Оно начало свое выступленіе противъ Романова тѣмъ, что послало по адресу Галицкаго дворянина упрекъ въ его невѣдомомъ, низкомъ происхожденіи. Но оппонентамъ не позволили говорить. Изъ рядовъ выборныхъ выдѣлился «славнаго Дону» атаманъ и, подошедши къ столу, также положилъ на него писаніе. «Какое это писаніе ты подалъ, атаманъ?» —спросилъ князь Пожарскій. «О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ»,—отвѣчалъ атаманъ. «Прочетше писаніе атаманское, бысть у всѣхъ согласенъ и единомысленъ совѣтъ»,—пишетъ современный бытописатель. Авраамій Палицынъ свидѣтельствуесть, что съ рѣшеніемъ объ избраніи Михаила на царство къ нему приходили и дворяне, и дѣти боярскіе, и гости многихъ городовъ, и атаманы, и казаки. Земскій соборъ также сталъ проникаться единадушіемъ; засѣданія его стали спокойными и величавыми *7 февраля 1613 года* Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ былъ предызбранъ. Но соборъ не кончилъ дѣла; считая избраніе царя вопросомъ слишкомъ важнымъ, окончательное рѣшеніе его онъ предоставилъ непосредственно всей землѣ. Разосланы были по городамъ люди узнать мнѣніе народа, кого хотятъ государемъ на Московскомъ государствѣ. И весь народъ высказался за Михаила. Стало быть, противъ Михаила были голоса только на соборѣ, народная-же масса была за него, которая высказалась за него еще въ 1610 г., послѣ низложенія Василя Шуйскаго. *21 февраля*, въ торжественный день, въ недѣлю Православія, *Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ окончательно избранъ на престолъ.*

Если вліятельные общественные слои начала XVII вѣка—тушинское боярство, служилое дворянство и казачество,—сошлись на имени Михаила Романова, дѣйствуя каждый во имя своихъ сословныхъ мотивовъ, то народная масса имѣла свои причины отдать ему свои голоса. Ключевскій, выясняя причины избранія Михаила Ѳеодоровича, указываетъ именно на ту, которая имѣла особенно важное значеніе въ міросозерцаніи народа. «Царь Михаилъ утвердился на престолѣ не столько потому, что былъ земскимъ всенароднымъ избранникомъ, сколько потому, что доводился племянникомъ послѣднему царю прежней династіи». Черезъ всю смуту народная масса пронесла идею «прирожденнаго государя», пыталась ловить призракъ угасшей династіи и

теперь цѣплялась за связь рода Романовыхъ съ домомъ Рюрика. На всѣ лады развивается мысль, что Михаилъ Θεодоровичъ отъ корени благочестивыхъ государей. Современный хронографъ прямо говоритъ, что Михаила просили на царство «сродственнаго его ради союза царскихъ искръ». Авр. Палицынъ называетъ Михаила «избраннымъ отъ Бога прежде его рожденія», а дьякъ Тимоѳеевъ ставитъ Михаила прямо послѣ Θεодора Ивановича, игнорируя Годунова, Шуйскаго и всѣхъ самозванцевъ. Точно также писатели смуты огмѣчаютъ, что отецъ избраннаго царя «единокровенъ бысть прежде бывшему государю» Θεодору Ивановичу, что новый царь—«дяди своего наслѣдникъ», «братаничъ блаженнаго царя» Θεодора.

Въ положеніи Михаила Θεодоровича была еще одна черта, обаятельно дѣйствовавшая на психологію народной массы. Онъ принадлежалъ къ боярской фамиліи, едва-ли не самой любимой тогда въ московскомъ обществѣ. Романовы были единственной нетитулованной боярской фамиліей, соперничавшей съ титулованными слугами Московскихъ государей и выдѣлившей изъ себя два особенно выдающихся имени, которыя сдѣлались любимцами народа. Дѣдъ молодого царя—любимый герой народныхъ былинъ—этихъ нелицемѣрныхъ свидѣтелей прошлаго. Не въ одной изъ нихъ упоминается «старый» «дядюшка» «Микита Романовичъ» и изображается благодушнымъ посредникомъ между народомъ и сердитымъ царемъ Грознымъ. Отецъ новаго царя, Θεодоръ Никитичъ былъ очень добрый и ласковый бояринъ, первый шеголь въ Москвѣ и очень любознательный человѣкъ. За годы смуты Романовы жестоко пострадали при полозрительномъ Годуновѣ, благодаря чему еще болѣе усилилась ихъ популярность. А служба митрополита Филарета въ Великомъ посольствѣ и муки польскаго плѣна подняли его на высоту національнаго подвига. «Личность же юнаго царя, чистаго отъ плѣны смутныхъ годовъ, —говоритъ одинъ изслѣдователь,—отвѣчала нравственному чувству въ моментъ національнаго и нравственнаго подъема».

«Въ единодушномъ избраніи «всей земли»,—говоритъ Платоновъ,—крылся чистый и благородный источникъ власти Романовыхъ. Такое избраніе возвысило власть Московскую, прежде вотчинную, до значенія народнаго-государственнаго и сообщило ей необыкновенную крѣпость и популярность. Въ исключительно

благоприятныхъ условіяхъ избранія тяжелая задача возстановленія и укрѣпленія государства стала исполнимой и «племя» «Никитичей» Романовыхъ показало себя достойнымъ ее исполнить. При немъ Русь не только ожила и окрѣпла, но достигла и небывалаго величія».

Ю. Пономаревъ.

О ЖИЗНИ И СЧАСТЬЕ.

(Прочитано въ Кишиневскомъ Серафимовскомъ Епархіальномъ Домѣ
II-го ноября 1912 года).

„Никакъ не могу сказать Вамъ, чей удѣлъ на землѣ выше, и кому суждена лучшая участь. Прежде, когда былъ поглупѣе, я предпочиталъ одно званіе другому; теперь же вижу, что участь всѣхъ одинаково завидна. Чудна милость Божія, опредѣлившая равное воздаяніе всякому, исполнившему честно долгъ свой—царь ли онъ или послѣдній нищій“.

Такъ писалъ Гоголь въ 1845 году, т. е. въ тотъ періодъ своей жизни, когда внѣшнія приманки ея утратили для него значеніе, уступивъ мѣсто раздумью о судьбахъ человѣка и о пользахъ и нуждахъ родной страны. Слова Гоголя для многихъ изъ его современниковъ прозвучали наставленіемъ безъ опредѣленнаго содержанія. Шумному обществу, увлеченному матеріальными интересами и не способному сосредоточиться на вопросахъ, выходящихъ за предѣлы будничныхъ заботъ, трудно было пснять то высокое умиротвореніе души, которое явилось у Гоголя результатомъ искренней религіозной вѣры и которое дало ему возможность выступить въ новой для него роли талантливаго философа-проповѣдника. Какъ всегда бываетъ, великаго человѣка стали упрекать въ измѣнѣ литературному призванію, и автору «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» пришлось употребить не мало усилій, чтобы убѣдить своихъ друзей въ томъ, что новое настроеніе его не позерство и не саморекламирование, а истинное выраженіе его образа мыслей и душевныхъ чаяній.

Съ тѣхъ поръ прошло около восьмидесяти лѣтъ, но и теперь слова Гоголя, драгоцѣнныя сами по себѣ, для многихъ остаются непонятными и далекими. Древнее мѣстничество, народившееся въ боярской Руси, въ наши дни возстало съ особенной силой, выродившись во всеобщее политиканство, и едва-ли найдется теперь человѣкъ, который вмѣстѣ съ Гоголемъ не предпочиталъ бы одного званія другому. Періоды упадка общественнаго духа всегда характеризуются стремленіемъ широкихъ круговъ играть роль народныхъ руководителей, и что же удивительнаго въ томъ, что въ настоящее время, когда всякіе принципы для большинства потеряли свое значеніе, мы видимъ на каждомъ шагу господъ, готовыхъ спасать Россію. Вѣдь это такъ просто и легко: нѣсколько красивыхъ позъ, нѣсколько радикальныхъ фразъ—и репутація обезпечена. Авторъ этихъ фразъ уже не просто Иванъ Ивановичъ, а лидеръ партіи, человѣкъ, который ждетъ лавровъ. Въ часы досуга онъ не прозь помечтать о благодарной памяти потомства и вмѣстѣ съ поэтомъ воскликнуть:

«Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,

Скажи мнѣ, что такое слава»?..

И когда подумаешь, что именно теперь раздаются отовсюду жалобы на отсутствіе людей; что лицу съ высшимъ образованіемъ не всегда можно поручить составить дѣловую бумагу, такъ какъ университеты сплошь и рядомъ выпускаютъ безграмотныхъ лѣнтяевъ,—становится грустно и больно отъ сознанія того громаднаго, можетъ быть, непоправимаго вреда, который причиняетъ родной странѣ мутная волна политиканства. Никто не станетъ спорить, что Россія богата талантами. И если-бы они выступили на арену дѣятельности, этому можно было-бы только порадоваться. Талантливые люди творили бы здоровую политику, чуждую корыстныхъ цѣлей и личныхъ домогательствъ. Но талантливыхъ людей вообще мало и они, кромѣ того, скромны. Вотъ почему въ общей массѣ мы ихъ почти не замѣчаемъ. На арену дѣятельности выступаютъ пигмеи, люди безъ смысла, безъ здраваго государственнаго разума, но съ громаднымъ самомнѣніемъ, съ невѣроятнымъ апломбомъ и съ непремѣннымъ желаніемъ гре-

мѣть на всю Россію. Забываютъ о томъ, что политика—дѣло трудное. Она требуетъ большого ума, широкаго образованія, житейскаго опыта, выдержки и того особеннаго свойства характера, которое можетъ быть названо предвѣдѣніемъ. Сердце государственнаго человѣка въ его головѣ,—сказалъ Наполеонъ. И надо обладать дѣйствительно хорошей головою, чтобы выдѣлаться ею изъ толпы.

Основная ошибка нашего политиканствующаго общества,—это предположеніе, будто-бы занятіе политикой само по себѣ можетъ привести человѣка къ счастью. Пагубный взглядъ этотъ достаточно разсѣянъ признаніями многихъ государственныхъ дѣятелей, разбросанными въ ихъ мемуарахъ, запискахъ и воспоминаніяхъ. Въ послѣдніе годы на столичной и провинціальной сценахъ неоднократно шла пьеса І. І. Колышко: «Большой Человѣкъ», въ которой—не безъ основанія—многіе склонны считать выведеннымъ бывшаго нашего премьера, графа Витте. «Большой Человѣкъ» сначала занимаетъ очень скромное положеніе, не соотвѣтствующее его дарованіямъ, затѣмъ постепенно прокладываетъ себѣ дорогу къ почестямъ и славѣ. Вотъ онъ уже министръ. Достигнуто все, къ чему онъ стремился, что добыто усиліями многихъ лѣтъ, о чемъ онъ мечталъ въ дни юности, какъ о предѣлѣ своихъ желаній. И когда любимая женщина, плененная общимъ поклоненіемъ ея кумиру, спрашиваетъ его, счастливъ-ли онъ, большой человѣкъ грустно поникаетъ головой и говоритъ о томъ, что власть не дала ему ничего, кромѣ сплошныхъ мукъ и постоянной борьбы съ врагами. Зависть и недоброжелательство сопровождали каждый его шагъ, начиная съ первыхъ лѣтъ службы, и чѣмъ выше поднимался онъ по служебной лѣстницѣ, чѣмъ большее пріобрѣталъ значеніе, тѣмъ сильнѣе дѣйствовали противъ него закулисныя интриги, старавшіяся свалить его съ той высоты, на которой онъ находился.

Необходимо имѣть въ виду, что русскіе государственные люди дѣйствуютъ въ совершенно иныхъ бытовыхъ условіяхъ, чѣмъ ихъ европейскіе коллеги. На западѣ нѣтъ того внушительнаго разстоянія между правящими кругами и обществомъ, какое

всегда существовало у насъ. И если въ Западной Европѣ вчерашній адвокатъ сегодня можетъ стать министромъ, а спустя нѣкоторое время снова вернуться къ своей свободной профессіи, то у насъ такихъ явленій почти не наблюдается. Русскіе администраторы и русскіе государственные люди, даже заканчивая свою активную политическую карьеру, все-же продолжаютъ оставаться въ средѣ того изолированнаго отъ широкаго общества круга, который никогда не смѣшивается съ новыми и случайными людьми. Тѣмъ болѣе печальна у насъ судьба государственныхъ дѣятелей, лишившихся власти. Они становятся чуждыми тѣмъ, въ чьихъ рукахъ власть въ данный моментъ сосредоточилась; эти новые хозяева положенія въ большинствѣ случаевъ не цѣнятъ ихъ былого опыта и даже не помнятъ о нихъ. Съ другой стороны и общество, сознающее свою оторванность отъ правящихъ круговъ, относится къ любому опальному сановнику съ невольнымъ чувствомъ предубѣжденія. Въ воспоминаніяхъ сенатора А. Ф. Кони находимъ любопытныя подробности о конечномъ этапѣ карьеры быв. всесильнаго министра внутреннихъ дѣлъ Валуева. «Расхищеніе башкирскихъ земель, въ которомъ онъ лично былъ ни въ какомъ отношеніи не виновенъ, сдѣлавшись самъ жертвою благородной довѣрчивости,—раскрытое ревизіей сенатора Ковалевскаго и глубоко возмущившее покойнаго Государя, поставило Валуева въ необходимость оставить постъ предсѣдателя Комитета Министровъ. Ему пришлось замкнуться въ себѣ и пережить тягостный періодъ ожиданія возвращенія прежняго довѣрія послѣ объявленнаго ему неудовольствія Монарха. За это время, да вѣроятно и до самой своей смерти, онъ долженъ былъ болѣзненно ощущать вокругъ себя ту пустоту и безлюдье, которыя образуются обыкновенно въ придворныхъ и высшихъ чиновничьихъ кругахъ по отношенію къ павшему официальному величію. Къ этому присоединились потеря супруги, долги любимаго сына и женитьба послѣдняго, породившая въ обществѣ нравственно-тяжелые на его счетъ пересуды. Пришлось страдать въ одиночествѣ, сохраняя внѣшне спокойный видъ и сознавая, что среди равнодушныхъ и злорадныхъ есть не мало и такихъ,

которые считали себя въ правѣ не прощать бывшему министру внутреннихъ дѣлъ его воздѣйствія на ходъ и развитіе нѣкоторыхъ изъ великихъ реформъ предшествующаго царствованія. Осенью 1883 г. Валуевъ поселился въ небольшой и скромной квартирѣ въ нижнемъ этажѣ дома № 20 по Галерной улицѣ. На одной съ нимъ лѣстницѣ помѣщалась редакція «Вѣстника Европы» и жилъ Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ. Послѣдній, встрѣчаясь часто съ Валуевымъ, не хотѣлъ помниги тягостныхъ непріятностей, причиненныхъ ему въ области управленія печатью бывшимъ въ апогеѣ своего величія министромъ. Благородни и въ высокой степени порядочный редакторъ «Вѣстника Европы» умѣлъ помнить классическое изрѣченіе: «Miser res sacra». Они дружелюбно бесѣдовали, и Валуевъ сталъ бывать въ гостиной издателя либеральнаго журнала. Его фигура еще сохраняла прежнюю величавую и изящную внѣшность, а плавное и красивое слово являлось выраженіемъ болѣе глубокаго, идущаго изъ души, содержанія, чѣмъ прежде. Онъ самъ откровенно признавался въ своей ошибочной оцѣнкѣ людей, подобныхъ Стасюлевичу и его друзьямъ, и жалѣлъ, что не зналъ ихъ прежде».

«Въ этой гостиной какъ-то провелъ я цѣлый часъ въ бесѣдѣ съ Валуевымъ. Оказалось, что по многимъ вопросамъ, заставлявшимъ особенно болѣть въ то время сердце, мы были одинаковыхъ взглядовъ. Дня черезъ два онъ посѣтилъ меня, пробылъ довольно долго и, уѣзжая, выразилъ мнѣ сожалѣніе, что не зналъ меня прежде и имѣлъ ложное обо мнѣ представленіе. Это было искренно, ибо впоследствии, уже послѣ его смерти, его сынъ показалъ мнѣ мѣсто въ дневникѣ своего отца, гдѣ, описывая наше свиданіе, онъ повторяетъ свое сожалѣніе и говоритъ обо мнѣ съ сочувствіемъ. Чувствуя, что осталось жить не долго, Валуевъ откровенно совѣтовался со мною объ устройствѣ запутанныхъ дѣлъ сына и просилъ меня не оставлять молодого человека, если обратится ко мнѣ за совѣтомъ и руководствомъ, когда его, Валуева, уже не будетъ въ живыхъ. Я это по мѣрѣ силъ и умѣнья исполнилъ и, между прочимъ, помогаль молодому Валуеву въ отысканіи и оцѣнкѣ матеріаловъ для его

юридической работы по уголовному праву. На меня онъ производилъ впечатлѣніе пріятнаго и интереснаго собесѣдника, а горе его при первомъ свиданіи со мною послѣ смерти его отца, когда онъ по предсмертному порученію послѣдняго принесъ мнѣ большую гравюру, изображающую Петра Великаго, было трогательно. Быть можетъ, къ скорби здѣсь примѣшивалась и значительная доля упрековъ смущенной совѣсти, напоминавшей что вслѣдствіе его необдуманнхъ тратъ матеріальное положеніе старика въ послѣдніе годы его жизни было поистинѣ плачевно. Однажды послѣдній зашелъ ко мнѣ и былъ, видимо, очень утомленъ моею высокой лѣсницей. На упрекъ мой, что онъ могъ бы не трудиться, а вызвать меня къ себѣ, Валуевъ безъ всякой рисовки сказалъ мнѣ: «Вы заняты, а я свободенъ, да и ѣхать къ Вамъ такъ удобно по конкѣ. Я очень люблю этотъ способъ сообщенія съ тѣхъ поръ, какъ на извозчикахъ мнѣ ѣздить стало не по средствамъ». Взглянувъ на его сапоги въ заплаткахъ, я понималъ, что это не фраза. Подъ конецъ своей жизни онъ обиталъ въ небольшой квартирѣ въ шумномъ и узкомъ мѣстѣ Екатерингофскаго проспекта на углу Вознесенскаго. Когда я посѣтилъ его скромное жилище и, подойдя къ окну, увидѣлъ напротивъ черезъ узкую улицу стѣну пятиэтажнаго дома, не допускавшую ни одного солнечнаго луча въ квартиру Валуева, онъ печально улыбнулся и сказалъ мнѣ: «Когда я сижу у самого окна, я все таки вижу кусочекъ неба и бѣгушія по нему облака. Они напоминаютъ мнѣ событія жизни: быстро несутся и иногда совсѣмъ застилаютъ небо, но я знаю, что оно есть, и это меня утѣшаетъ и ободряетъ». Для тѣхъ, кто зналъ былого Валуева, образъ этого скромнаго, разбитаго судьбою и безропотно несущаго свой крестъ чловѣка являлся совершенно новымъ и нравственно поучительнымъ».

Существуетъ поговорка о положеніи, кототое «хуже губернаторскаго». Немногіе понимаютъ ея истинный смыслъ. Принято думать, что въ дѣйствительности ничего не можетъ быть лучше губернаторскаго положенія: почетъ, власть, возможность повелѣвать цѣлой губерніей. Но все это — казовая сторона. Прежде

всего каждый губернаторъ подавленъ чисто-канцелярской работой, которая у насъ на Руси во всѣхъ вѣдомствахъ не только не уменьшается, увеличивается съ каждымъ годомъ. Далѣе, губернаторъ, по званію своему, является представителемъ высшаго правительства въ губерніи. На немъ лежитъ обязанность искуснаго управленія административнымъ кораблемъ, который сплошь и рядомъ подвергается тяжелымъ испытаніямъ. Чтобы преодолѣть возможныя затрудненія въ этомъ отношеніи—нужно обладать большимъ тактомъ и незаурядными способностями. Но вѣдь всего предвидѣть нельзя. И часто самый опытный губернаторъ долженъ переживать въ себѣ горечь неудачъ, какъ послѣдствіе неизбежныхъ ошибокъ. Прибавьте къ этому обязательное предсѣдательствованіе во всѣхъ губернскихъ коллегіяхъ, доклады должностныхъ лицъ, пріемъ частныхъ просителей и лицъ офіціального міра, на ряду съ все возрастающими кипами бумагъ, требующихъ единоличнаго разрѣшенія, и вы согласитесь, что губернаторъ въ большинствѣ случаевъ буквально не имѣетъ ни минуты покоя, и что если бываетъ у человѣка въ жизни какое-нибудь отчаянное положеніе, то оно очень немногимъ «хуже губернаторскаго».

Почти то-же самое позволительно сказать и объ архіереяхъ. «Помилуйте, слышится со всѣхъ сторонъ:—что можетъ быть лучше архіерейскаго житія?» Въ отвѣтъ на это можно посоветовать возобновить въ памяти хотя-бы классическій рассказъ А. П. Чехова: «Архіерей». «Пріѣхавшая изъ далекаго угла мать больного архіерея теряется въ его присутствіи, боится приласкать его и даже назвать по имени, и все время говоритъ ему: «ваше преосвященство». Принимая просителей, бывая по необходимости на офіціальныхъ торжествахъ, архіерей чувствуетъ, какъ всѣ окружающіе его люди далеки отъ него, какъ мало-по-малу между нимъ и обществомъ появляется глубокая пропасть, маскируемая почтительнымъ преклоненіемъ предъ его духовнымъ саномъ. Вездѣ и всюду онъ чувствуетъ свое одиночество и мысль о томъ, что онъ одинъ во всемъ мірѣ, что онъ лишенъ самого

необходимаго — человѣческаго къ себѣ отношенія—отравляетъ все его существованіе.

Прочтите затѣмъ хотя-бы записки бывшаго Архіепископа Херсонскаго Никанора или бывшаго Тверскаго Архіепископа Саввы. Въ запискахъ этихъ подробно и правдиво обрисована жизнь епархіальнаго архіерея. Тѣ-же горы бумагъ, что и у губернатора, тѣ-же доклады, выѣзды, утомительные приемы и вдобавокъ почти всегда полное одиночество.

Если такъ,—скажете вы,—то въ чемъ-же счастье? Неужели въ томъ, чтобы должность писца предпочитать должности губернатора и званіе послушника—званію архіерея? Пожалуй, что и такъ,—отвѣчу я на это. Не даромъ-же Діогенъ просилъ Александра Македонскаго посторониться и не заслонять ему солнца. Можетъ быть, настоящая правда жизни въ томъ и заключается, чтобы дышать чистымъ воздухомъ, любоваться голубымъ небомъ и въ простотѣ сердечной благодарить Творца вселенной за текуція мгновенья, не заботясь о будущемъ. Развѣ не правъ былъ А. Н. Майковъ, полагавшій, что счастье —

«Въ жизненномъ пути,
Куда твой долгъ велитъ итти,
Враговъ не знать, преградъ не мѣрить,
Любить, надѣяться и вѣрить».

Хотя пословица говоритъ, что бѣдность не порокъ, большинство, однако, предпочитаетъ устраиваться такъ, чтобы матеріальное благополучіе было неизмѣннымъ спутникомъ жизни. Въ условіяхъ современнаго быта, при страшной дороговизнѣ предметовъ первой необходимости, прогрессивно увеличивающейся изъ года въ годъ, стремленіе это должно быть признано вполне естественнымъ. Весь вопросъ въ томъ, въ какой мѣрѣ деньги могутъ способствовать человѣческому счастью и гдѣ тѣ границы, которыя отдѣляютъ необходимое пользованіе деньгами отъ злоупотребленія ими. «Скупой Рыцарь» Пушкина любилъ золото инстинктивно; для него оно было не средствомъ, но самой цѣлью:

«Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой-нибудь развратницей лукавой,

Иль дурой, имъ обманутой, такъ я
 Весь день минуты ждалъ, когда сойду
 Въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сундукамъ.
 Счастливый день! Могу сегодня я
 Въ шестой сундукъ (сундукъ еще не полный)
 Горсть золота накопленнаго всыпать.
 Немного кажется, но по немногу
 Сокровища растутъ»...

Современный человѣкъ относится къ деньгамъ, конечно, съ меньшимъ пристрастіемъ. Въ нихъ онъ не склоненъ видѣть цѣль, а только средство. Тѣмъ не менѣе и теперь многіе забываютъ слова Ф. М. Достоевскаго: «деньги—голуби, прилетятъ и опять улетятъ». Въ этихъ словахъ много жизненной правды. Легкомысленный сынъ сплошь и рядомъ растрчиваетъ нажитое отцомъ богатство. Молодой человѣкъ, пріятный во всѣхъ отношеніяхъ, увлекаетъ сердце богатой невѣсты и бостро приводитъ къ нулю всѣ ея ресурсы. А клубный азартъ, рискованныя предпріятія всякаго рода и другія комбинаціи, отъ которыхъ не гарантированъ человѣкъ, имѣющій деньги—развѣ все это не заставляетъ притти къ тому-же выводу, къ какому пришелъ Ф. М. Достоевскій? «Деньги—голуби, прилетятъ и опять улетятъ». У кого ихъ много, тотъ тратитъ ихъ на кутежи и вѣчное веселье, у кого мало—у того онѣ идутъ на удовлетвореніе насущныхъ нуждъ. Въ томъ и другомъ случаѣ деньги приходятъ и уходятъ. Нечего говорить о томъ, что за деньги нельзя купить ни здоровья, ни нравственнаго удовлетворенія совѣсти.

Есть слово старое, какъ міръ, въ которомъ таится незримое очарованіе, для всѣхъ одинаковое и доступное. Слово это любовь. Въ человѣческомъ общежитіи любовь понимается въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ: она является преддверіемъ и спутницей брака. Въ наше время счастливые браки рѣдки. Никогда разводъ не практиковался въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ теперь. Гдѣ-же корни, гдѣ причины этого? Они—въ сердцѣ современнаго человѣка. въ его темпераментѣ, въ его новыхъ взгля-

дахъ на жизнь. Патріархальныя идилліи миновали. Цѣльность настроенія угасла. Начались поиски новаго, неизвѣданнаго.

У Куприна есть прелестный разсказъ: «Одиночество». Молодые супруги Покромцевы, три мѣсяца тому назадъ обвинчавшіеся, совершаютъ поѣздку на пароходъ. Все ихъ забавляло, все наполняло душу тихой радостью: и «нашъ» пароходъ, необыкновенно чистенькій и быстрый, и «нашъ» капитанъ, и бѣлые барашки, играющіе въ волнахъ рѣки. Но вотъ на правомъ берегу показались смутныя очертанія высокой горы съ деревянной бесѣдкой на самой вершинѣ.

— Я здѣсь провелъ цѣлое лѣто,—сказалъ Покромцевъ. Да? Неужели?—спрашиваетъ жена. Это, навѣрно, чье-нибудь имѣніе?

И мужъ, съ едва сдерживаемой самодовольной улыбкой, разсказываетъ:

— Князей Ширковыхъ. Очень богатые люди, я былъ въ ихъ семьѣ репетиторомъ, но сумѣлъ себя поставить такъ, что со мной обращались, какъ съ близкимъ человѣкомъ. Ну, конечно, играли въ любовь, безъ этого на дачѣ нельзя. У меня вышелъ маленькій романъ съ княжной Кэтъ. Въ концѣ лѣта мы разстались. Она совсѣмъ равнодушно благодарила меня за то, что я помогъ ей не скучать.

Вообще эта исторія составляетъ для меня одно изъ самыхъ непріятныхъ воспоминаній. Вѣдь правда, Вѣрочка, гадко все это?

Вѣра Львовна не отвѣтила ему. Покромцевъ почувствовалъ къ ней жалость и сталъ раскаиваться въ своей откровенности. Желая загладить непріятное впечатлѣніе, онъ еще разъ поцѣловалъ жену въ щеку.

Вѣра Львовна не сопротивлялась, но и не отвѣтила на поцѣлуй. Странное, мучительное и самой ей неясное чувство овладѣло ея душой. Тутъ была отчасти и ревность къ прошедшему,—самый ужасный видъ ревности,—но была только отчасти. Вѣра Львовна давно слышала и знала, что у каждаго мужчины бываютъ до женитьбы интрижки и связи, что то, что для женщины составляетъ огромное событіе, для мужчины является простымъ случаемъ, и что съ этимъ ужаснымъ порядкомъ вещей

надо поневоле мириться. Было тутъ и негодование на ту уни- зительную и развратную роль, которая выпала въ этомъ рома- нѣ на долю ея мужа, но Вѣра Львовна вспомнила, что и ея по- цѣлуи съ нимъ, когда они еще были женихомъ и невѣстой, не всегда носили невинный и чистый характеръ. Страшнѣе всего въ этомъ новомъ чувствѣ было сознаніе того, что Владимиръ Ива- новичъ вдругъ сдѣлался для своей жены чужимъ, далекимъ че- ловѣкомъ, и что ихъ прежняя близость никогда уже не можетъ возвратиться.

«Зачѣмъ онъ мнѣ рассказывалъ всю эту гадость?»—мучи- тельно думала она, стискивая и терзая свои похолодѣвшія руки. —Онъ перевернулъ всю мою душу и наполнилъ ее грязью, но что же я ему могу сказать на это? Какъ я узнаю, что онъ ис- пытывалъ во время своего рассказа? (Нѣтъ, ужъ во всякомъ случаѣ не гадливость; тонъ у него былъ самодовольный, хотя онъ и старался это скрыть). Надежду опять встрѣтиться когда- нибудь съ этой Кэтъ? А почему-же и не такъ? Если я спрошу его объ этомъ, онъ, конечно, поспѣшитъ меня успокоить, но какъ проникнуть въ самую глубь его души, въ самые отдаленные изгибы его сознанія? Почему я могу узнать, что, говоря со мной искренно и правдиво, онъ въ то же время не обманываетъ и, можетъ-быть, совершенно невольно—своей совѣсти?

Вѣрѣ Львовнѣ было жутко и тоскливо. Она впервые въ своей жизни натолкнулась сегодня на ужасное сознаніе, прихо- дящее рано или поздно въ голову каждому чуткаго вдумчиваго чловѣка, на сознаніе той неумолимой непроницаемой преграды, которая вѣчно стоитъ между двумя близкими людьми. «Что-же я о немъ знаю? шопотомъ спрашивала себя Вѣра Львовна, сжимая руками горячій лобъ. Что я знаю о моемъ мужѣ, объ этомъ чловѣкѣ, съ которымъ я вмѣстѣ и ѣмъ, и пью, и съ которымъ всю жизнь должна пройти вмѣстѣ? Положимъ, я знаю что онъ красивъ, что онъ любитъ свою физическую силу, холить свои мускулы, что онъ музыкаленъ, что онъ читаетъ стихи на- распѣвъ, знаю даже больше, знаю его ласковыя слова, знаю, какъ онъ цѣлуется, знаю пять или шесть его привычекъ.... Ну,

а больше? Что-же я больше-то знаю о немъ? Извѣстно ли мнѣ, какой слѣдъ оставили въ его сердцѣ и умѣ его прежнія увлеченія? Могу-ли я отгадать у него тѣ моменты, когда человѣкъ во время смѣха внутренно страдаетъ или когда наружной, лицемерной печалью прикрываетъ злорадство? Какъ разобратся во всѣхъ этихъ тонкихъ изворотахъ чужой мысли, въ этомъ чудовищномъ вихрѣ чувствъ и желаній, который постоянно, быстро и неуловимо несется въ душѣ посторонняго человѣка?

Внезапно она почувствовала такую глубокую внутреннюю тоску, такое щемящее сознание своего вѣчнаго одиночества, что ей захотѣлось плакать.

Около четырехъ часовъ утра Покромцевъ проснулся и былъ очень удивленъ, не видя на противоположномъ диванѣ своей жены. Онъ быстро одѣлся и, позѣвывая и вздрагивая отъ утренняго холодка, вышелъ на палубу.

Вѣра Львовна сидѣла, облокотясь руками на рѣшетку и положивъ на нихъ отяжелѣвшую голову. Покромцевъ подошелъ къ ней и, обнявъ ее, напыщенно продекламировалъ голосомъ, разбухшимъ отъ здороваго сна:

«Вышла изъ мрака молодая, съ перстами пурпурными, Эось»..

Но, когда онъ увидѣлъ ея серьезное, заплаканое лицо, онъ точно поперхнулся послѣднимъ словомъ.

Вѣрусенька, что съ тобой? Что такое, моя дорогая? Но она уже приготовилась къ этому вопросу. Она такъ много передумала за эту ночь, что пришла къ единственному разумному и холодному рѣшенію: надо жить, какъ всѣ, надо подчиняться обстоятельствамъ, надо даже лгать, если нельзя говорить правду.

И она отвѣтила, виновато и растерянно улыбаясь:

Ничего, мой милый. Просто у меня безсонница.....

Таковъ этотъ маленькій рассказъ Куприна, заключающій въ себѣ столько тонкой психологической правды. И чѣмъ особенно отличается Покромцевъ отъ одного изъ героевъ «Ключей Счастья» Вербицкой—Штейнбаха,—мечтающаго о томъ, чтобы «умѣть забывать лицо, которое любилъ.... Забывать обѣщанія и нарушать клятвы... Съ восторгомъ встрѣчать уста, тянуціяся тебѣ на

встрѣчу. Улыбаться вчерашнему горю. Благословлять свои слезы.. Любить въ прошломъ лишь себя и свою жажду счастья... Итти впередъ, смѣясь и плача, обманываясь и обманывая, въ безсознательномъ могучемъ порывѣ: *жить*.... И проявлять свое *я* дерзко, ярко и радостно.....»

Но одни ли мужчины таковы? Можетъ-ли современный мужъ въ свою очередь быть вполне увѣреннымъ въ своей женѣ? Какъ знать! Новыя времена несутъ новыя вѣянія. Зараза расползается все глубже и шире. И та-же Вербицкая не задумывается притти къ слѣдующей формулѣ: «Человѣкъ, не прощающій дѣвушкѣ ея прошлаго, отрицающій право на ростъ ея души, при которомъ увлеченія, ошибки, и разочарованія такъ-же неизбежны, какъ времена года,—такой человѣкъ не уважаетъ ни женщины, ни любви. Онъ ихъ не знаетъ».

Было-бы, разумѣется, неправильнымъ утверждать, что бракъ, какъ бы онъ неудаченъ ни былъ, лишенъ хотя-бы отдѣльныхъ моментовъ счастья. Но эти моменты непрочны и призрачны. Они уходятъ, оставляя по себѣ радостное воспоминаніе; но дни печали и разочарованія длятся гораздо дольше и создаютъ тотъ общій тонъ неудовлетворенности, который охарактеризованъ въ словахъ Пушкина:

Сердце будущимъ живетъ,
Настоящее—уныло,
Все мгновенно, все пройдетъ.
Что пройдетъ, то будетъ мило.».....

Это четверостишіе напоминаетъ слова другого нашего классика, Карамзина, который, уѣзжая за границу, куда онъ раньше стремился, вдругъ почувствовалъ тоску по родинѣ и невольно воскликнулъ: «о сердце, сердце, кто знаетъ, чего ты хочешь?». И дѣйствительно, выраженіе: «быть счастливымъ»—для всѣхъ понятно. Но если-бы понадобилось опредѣлить, что такое «счастье»,—это было-бы весьма затруднительно. Счастье разнообразно, счастье всякій понимаетъ по своему. Счастье, употребляя самое общее опредѣленіе, состоитъ въ томъ, чтобы быть довольнымъ своей участью и всѣмъ окружающимъ. Довольство это иногда

является результатомъ независящихъ отъ человѣка внѣшнихъ данныхъ, напр., перешедшаго по наслѣдству богатства и т. п. Но точно также довольство это можетъ быть достигнуто личными усиліями человѣка, оправдывающими слова о «завоеванномъ счастьѣ». Говорятъ, счастья искать нельзя, такъ какъ оно приходитъ само собою или же не приходитъ вовсе. Мнѣніе это глубоко ошибочное. Я позволю себя напомнить одинъ изъ афоризмовъ Оксенштіерна: «люди сдѣлали судьбу всемогущей богиней, чтобы сваливать на нее свои глупости». Несомнѣнно, что человѣкъ энергичный и талантливый, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, можетъ достичь многого и проложить себѣ дорогу къ счастью, какимъ оно ему представляется. Но для этого, естественно, нельзя сидѣть у моря и ждать погоды, а надо дѣйствовать, бороться и стремиться къ намѣченной цѣли, не смущаясь временными и случайными препятствіями. «Есть люди —сказалъ Бальзакъ,—похожіе на нули: имъ всегда нужно, чтобы впереди нихъ шли цифры». Не такимъ людямъ завоевывать счастье. Оно не является удѣломъ лѣнивыхъ и малодушныхъ.

На нашихъ глазахъ происходитъ героическая борьба славянскихъ народовъ съ вѣковой поработительницей ихъ—Турціей. Когда возникла первая опасность войны, общественное мнѣніе отнеслось къ намѣреніямъ балканскихъ союзниковъ съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ и съ сомнѣніемъ въ успѣхъ ихъ оружія. Но по мѣрѣ того, какъ геройскія усилія молодыхъ народовъ брали верхъ надъ разваливающейся восточной страной, общее сомнѣніе смѣнилось чувствомъ восторженнаго удивленія передъ отвагой и счастьемъ балканскихъ славянъ. Новѣйшая исторія не знаетъ болѣе блистательнаго похода, чѣмъ этотъ, и мы въ правѣ сказать, что всѣми своими завоеваніями наши балканскіе братья обязаны самимъ себѣ, своей глубокой вѣрѣ въ себя и въ свое правое дѣло, своей непоколебимой энергіи и непреклонному желанію во что-бы то ни стало довести начатое дѣло до конца. Они идутъ къ счастью смѣло, съ открытымъ забраломъ, съ сознаниемъ всей серьезности своей миссіи, и это счастье будетъ

для нихъ завоеваннымъ какъ въ буквальномъ, такъ и въ переносномъ смыслѣ.

То же самое бываетъ и съ отдѣльными людьми. Мы ходимъ вяло, говоримъ нехотя и всѣ наши поступки носятъ на себѣ отпечатокъ небрежности и ограниченности. въ то время, какъ въ каждомъ изъ насъ скрытъ источникъ дремлющихъ силъ, нераскрывшихся способностей и талантовъ. Ощутить въ себѣ эти силы, смѣло пойти навстрѣчу внутреннему голосу—вотъ въ чемъ долгъ нашъ, вотъ въ чемъ наше личное и общественное благополучіе. Счастье близко, но само оно рѣдко дается; надо умѣть взять его. Надо сильно хотѣть и мужественно бороться за его достиженіе.

Изъ какихъ-же условій, изъ какихъ элементовъ слагается человѣческое счастье? Оно—прежде всего въ исполненіи древней заповѣди, указавшей людямъ на необходимость постояннаго и упорнаго труда. Трудъ физическій и умственный, правильно регулируемый, укрѣпляя силы человѣка и способствуя его интеллектуальному развитію, безспорно не можетъ не входить, въ видѣ элемента, въ условія, изъ которыхъ слагается наше счастье. Къ сожалѣнію, современное интеллигентное общество давно разучилось трудиться. Еще на школьной скамьѣ молодые люди начинаютъ отвыкать отъ правильныхъ занятій, думая болѣе о грядущихъ дипломахъ, чѣмъ о работѣ. Вы помните, вѣроятно, вышедшіе лѣтъ пять тому назадъ очерки Бориса Гегидзе: «Въ университетѣ». Въ книжкѣ Гегидзе есть одна очень характерная сценка. Гимназисты, выдержавшіе экзамень на аттестатъ зрѣлости и предвкушающіе сладость университетской свободы, стаскиваютъ въ одну кучу всѣ свои гимназическія учебники и устраиваютъ имъ, по выраженію автора, торжественное, пышное аутода-фе. Если-бы эти молодые люди обладали привычкой къ труду, если-бы ихъ умственное развитіе вообще стояло на достаточной высотѣ, едва-ли они унизились-бы до подобнаго, отнюдь не утрированнаго авторомъ поступка.

А что представляетъ собою, въ смыслѣ духовныхъ запросовъ и работоспособности, наше интеллигентное общество? Не

будемъ говорить объ исключеніяхъ, а скажемъ о большинствѣ. Кто изъ чиновниковъ и даже изъ лицъ свободныхъ профессій любитъ свое дѣло, кто дорожитъ имъ въ силу своей привязанности къ нему, а не ради жалованья или солиднаго гонорара? Не смотритъ ли общество на трудъ, какъ на излишнюю помѣху, мѣшающую удовольствіямъ, сводящимся въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ къ азартной карточной игрѣ, разврату, кутежамъ и попойкамъ? Бытописатель русскаго безвременья—Чеховъ—особенно выпукло и рельефно охарактеризовалъ нашу интеллигенцію въ своей повѣсти: «Моя Жизнь». Эту повѣсть полезно перечитывать; въ ней есть надъ чѣмъ задуматься. «Я не понималъ, говоритъ герой,—для чего и чѣмъ живутъ эти шестьдесятъ тысячъ людей.... Большая Дворянская и еще двѣ улицы жили на готовые капиталы и на жалованье, получаемое чиновниками изъ казны; но чѣмъ жили остальные восемь улицъ—это было для меня всегда непостижимой загадкой. И какъ жили эти люди,—стыдно сказать. Городская и клубная библіотека посѣщались только евреями-подростками, такъ что журналы и новыя книги лежали по мѣсяцамъ неразрѣзанными; богатые и интеллигентные люди спали въ душныхъ тѣсныхъ спальняхъ, на деревянныхъ кроватяхъ съ клопами; дѣтей держали въ отвратительныхъ грязныхъ помѣщеніяхъ, называемыхъ дѣтскими, а слуги—даже старые и почтенные—спали въ кухнѣ на полу и укрывались лохмотьями.... Мой отецъ бралъ взятки и воображалъ, что это ему даютъ изъ уваженія къ его душевнымъ качествамъ; гимназисты, чтобы переходить изъ класса въ классъ, поступали на хлѣба къ своимъ учителямъ; въ уѣздномъ училищѣ торговали свидѣтельствами, дававшими льготу по третьему разряду; во многихъ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ каждому просителю кричали во слѣдъ: «благодарить надо», и проситель возвращался, чтобы дать 30—40 коп. А тѣ чиновники, которые взятокъ не брали, были надменны, подавали два пальца, отличались холодностью и узостью сужденій, играли много въ карты, много пили, женились на богатыхъ и, несомнѣнно, имѣли на среду вредное, развращающее вліяніе. Лишь отъ однѣхъ дѣвушекъ вѣяло

нравственной чистотой, у большинства изъ нихъ были высокія стремленія, честныя, чистыя души; но онѣ не понимали жизни и вѣрили, что взятки даются изъ уваженія къ душевнымъ качествамъ, и выйдя замужъ, онѣ скоро старились, опускались и безнадежно тонули въ тинѣ пошлаго, мѣщанскаго существованія.

Вотъ картина жизни русскаго интеллигентнаго общества, не лишенная, быть можетъ, нѣкоторыхъ преувеличеній, но въ общемъ вполне правдивая и грустная своей правдой. Можно-ли искать у представителей такого общества любви къ труду и высшихъ духовныхъ запросовъ?

Не менѣе, чѣмъ трудъ, способствуетъ нашему нравственному благополучію и близость къ природѣ. Чистый воздухъ, ясное небо, жаркое солнце—вливаютъ бодрость въ усталый организмъ, умиротворяютъ душевныя невзгоды и возносятъ мысль къ Творцу, Создателю Вселенной.

«Не говори, что жизнь ничтожна,
«Нѣтъ, послѣ бурь и непогодъ,
«Борьбы суровой и тревожной,
«И цвѣтъ, и плодъ она даетъ.
«Не вѣчны всѣ твои печали,
«Въ тебѣ самомъ источникъ силъ.
«Взгляни кругомъ, не для тебя-ли
«Весь міръ сокровища раскрылъ?
«Кудрявъ и зеленъ лѣсъ дремучій,
«Листы зарей освѣщены,
«Огнемъ охваченныя тучи
«Въ стеклѣ рѣки отражены.
«Вотъ царство жизни и свободы.
«Здѣсь всюду блескъ, здѣсь вѣчный пиръ,
«Пойми живой языкъ природы,
«И скажешь ты: прекрасенъ миръ.

(И. С. Никитинъ).

Было-бы излишне приводить ту массу поэтическихъ отрывковъ, начиная съ Пушкина и Лермонтова и кончая поэтами нашихъ дней, въ которыхъ близость къ природѣ неразрыв-

но соединена съ мыслью о Творцѣ, съ зачатками серьезнаго религіознаго чувства. А тамъ, гдѣ оно есть,—существуетъ и внутреннее умиротвореніе души, ясное пониманіе жизни и ея смысла, твердое желаніе итти впередъ навстрѣчу грядущимъ радостямъ и печалямъ. Счастье—мгновеніе. Но религіозное чувство даетъ возможность связывать такія мгновенья въ торжествующіе аккорды радости, которые помнятся и не забываются, не смотря на неизбѣжныя ошибки и разочарованія. Эти аккорды создаютъ тонъ жизни, направляютъ ее въ сторону мира и любви, ограничиваютъ значеніе отрицательныхъ явленій и повышаютъ смыслъ положительныхъ.

Вмѣстѣ съ пожеланіемъ быть ближе къ природѣ, при условіи глубокаго и тонкаго ея пониманія, нашему обществу можно пожелать и повышенія духовныхъ его запросовъ. Слишкомъ ушли мы всѣ въ сѣрые будни, слишкомъ отдались неэстетичной сторонѣ жизни, забывъ о томъ, что существуетъ цѣлая область возвышенныхъ и облагораживающихъ переживаній, всегда находящихся въ нашей власти. Многіе-ли имѣютъ хорошую библіотеку, въ которой можно было бы найти авторовъ религіозныхъ проблемъ или русскихъ и иностранныхъ классиковъ? Многіе ли, собирая гостей, способны вмѣсто картъ занять ихъ художественнымъ чтеніемъ, обсужденіемъ новѣйшихъ произведеній религіозной, философской или беллетристической литературы? Помилуй Богъ, это было-бы цѣлымъ переворотомъ. Художественные салоны у насъ не въ модѣ, и любой гость, не видящій зеленаго стола съ картами, чувствуетъ себя какъ рыба, выброшенная на берегъ.

Невольно припоминаются стихи А. М. Жемчужникова объ умственной и нравственной пустынѣ, въ которой мы живемъ.

Есть въ мірѣ пустыни, забытыя благодатью Духа,

Пустыни для чувствъ и ума:

Тамъ слово благое звучитъ боязливо и глухо;

Тамъ властна духовная тьма.

Какъ чахнутъ на грубыхъ земляхъ благородныя зерна,

Но сильно растутъ плевелы;

Тамъ въ этихъ пустыняхъ, гдѣ вѣтъ неправда тлетворно,

Тѣ сильны, кто лживы и злы.

О, если-бъ у насъ времена слѣпоты и гордыни

Смѣнила сознанья пора,

Тогда-бы предстало намъ зрѣлище нашей пустыни,

Безъ думъ, безъ любви, безъ добра.

Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ, но въ людяхъ есть сила призыва.

Просите Его и онъ дастъ.

Лишь только-бъ молитва была горяча и правдива,

Призывъ былъ настойчивъ и частъ.

Безспорно, что такое преобладаніе низшихъ инстинктовъ въ обществѣ не ведетъ ни къ чему хорошему. Слагается удушливая, затхлая атмосфера, въ которой люди теряютъ нравственный свой обликъ, обезцѣниваютъ и обезцвѣчиваютъ себя, лишаются присущей каждому изъ насъ индивидуальности и становятся грубыми, безсердечными и недалекими манекенами. Искра Божія гаснетъ въ человѣкѣ, религіозная вѣра, часто яркимъ пламенемъ горѣвшая въ далекіе дѣтскіе годы, исчезаетъ, и остаются дни сомнѣнія, гложущіе душу и не дающіе покоя. Эти сомнѣнія приводятъ къ необдуманымъ рѣшеніямъ и поступкамъ, иногда непоправимымъ, и во всякомъ случаѣ удаляютъ человѣка отъ счастья, но не приближаютъ къ нему.

Съ другой стороны, жизнь, основанная на религіозныхъ началахъ и согласованная съ церковными завѣтами, съ каждымъ днемъ увеличиваетъ чувство внутренняго довольства и удовлетворенія. Но для того, чтобы достигнуть его, необходимо быть не только критикомъ окружающаго, но и ученикомъ. Надо испытать на самомъ себѣ благодатное вліяніе жизни во Христѣ, и тогда путь къ счастью обозначится самъ собою.—Прощу васъ и молю только объ одномъ,—говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ:—подражайте въ этомъ случаѣ хотя-бы прилежанію малыхъ дѣтей. Во всѣхъ добродѣтеляхъ мы можемъ упражняться дома со своими друзьями, съ женою, съ дѣтьми. Начнемъ съ первыхъ и самыхъ легкихъ, напр., съ воздержанія отъ клятвы, и этимъ начальнымъ урокомъ будемъ непремѣнно заниматься дома. Вѣдь и

дома много препятствій этому занятію: раздражаетъ слуга, возбуждаетъ гнѣвъ оскорбляющая жена, доводитъ до угрозы и клятвы глупый и своевольный ребенокъ. Если-же ты дома, будучи постоянно раздражаемъ всѣмъ этимъ, удержишься отъ клятвы, то сможешь легко воздержаться отъ нея и въ обществѣ. Точно также перестанешь и браниться, если не будешь бранить: ни жены, ни раба, ни кого другого изъ своихъ домашнихъ. Пусть домъ твой будетъ мѣстомъ борьбы и подвижничества, чтобы, обучившись хорошо, ты могъ съ успѣхомъ обращаться въ обществѣ. Если во время этого подвига ты и упадешь не одинъ разъ, не отчаивайся, но опять вставай и подвизайся, до тѣхъ поръ, пока не увѣнчаешься блистательнымъ вѣнцемъ побѣды». (I. Зл., Толк. на Св. Матф. Еван. XI).

Почти то-же самое совѣтуетъ и о. Іоаннъ Кронштадскій въ своемъ дневникѣ. «Если хотите быть долголѣтними на землѣ—говоритъ онъ—не торопитесь жить плотскимъ образомъ, пресыщаться, упиваться, курить, блудодѣйствовать, роскошествовать, нѣжиться: въ плотскомъ образѣ жизни заключается смерть. Если хотите жить долго, живите духомъ: въ духѣ заключается жизнь. Наблюдайте умѣренность и простоту въ пищи и питіи, храните цѣломудріе, не растрачивайте безумно бальзамъ своей жизни, не гонитесь за богатствомъ, за роскошью, старайтесь быть довольными и немногимъ, храните миръ со всѣми и никому не завидуйте, всѣхъ почитайте и любите, особенно-же старайтесь всегда носить Христа въ сердцѣ, и вы въ мирѣ и благополучіи проживете многія лѣта». (Моя жизнь во христѣ, т. II стр. 400).

Въ сущности, въ этихъ словахъ о. Іоанна, если вдуматься въ нихъ хорошенько, просто и всеобъемлюще высказано все то, что можетъ привести человѣка къ счастью. И тому, кто живетъ въ единеніи съ Церковью, по собственному опыту понятна правда этихъ словъ. Но не всѣ—въ оградѣ церковной. Въ средѣ общества многіе позабыли о Церкви, многіе бродятъ въ потемкахъ невѣрія и невѣдѣнія, заглушая свои душевныя муки широкимъ размахомъ удовольствій и прожиганія жизни. Вотъ

этимъ-то лицамъ и можно было бы посоветовать сбросить съ себя грузъ повседневной суеты и серьезно заняться чисткой своей совѣсти. Не все, конечно приходитъ сразу. Странно было-бы отъ вчерашняго атеиста сегодня требовать вѣры. Это дается только чудомъ и оно не всегда бываетъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, если между невѣріемъ и вѣрой будетъ переходная ступень, на которой человѣкъ перестаетъ быть невѣрующимъ, но еще и не достигаетъ вѣры. Первый шагъ въ этомъ направленіи—это рѣшимость порвать съ той пустотой жизни, какая наблюдается у большинства, постараться осмыслить свою жизнь, дать ей цѣли и определенное направленіе. А когда это будетъ сдѣлано, дальнѣйшее придетъ само собою. Путь къ счастью будетъ близокъ и оно познается сердцемъ реально, ощутительно, безъ долгихъ словъ и сомнѣній. Изолированность отъ общества—вещь, конечно, иногда очень тяжелая. Но она въ извѣстной мѣрѣ совершенно неизбежна, такъ какъ общество въ массѣ своей живетъ низшими интересами, заглушающими ростки высокихъ стремленій. Этимъ людямъ, сознающимъ пустоту и безцѣльность жизни общества, никогда однакоже не сдающаго своихъ позицій, можно сказать словами поэта:

Други, не вѣрьте.... Все та же единая
Сила насъ манить къ себѣ неизвѣстная,
Та-же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная,
Тѣ-же насъ радуютъ звѣзды небесныя.
Правда все та-же. Среди мрака ненастнаго
Вѣрьте чудесной звѣздѣ вдохновенія,
Дружно гребите во имя прекраснаго
Противъ теченія.

Б. А. Т.

Къ съѣзду церковно-школьныхъ дѣятелей.

Программы съѣзда еще нѣтъ, но общая канва вопросовъ уже намѣчена: 1) увеличеніе числа школъ, «чтобы каждый приходскій храмъ пріютилъ подъ своей сѣнью и церковную школу», 2) правоспособный педагогическій персоналъ церковныхъ школъ,

3) постановка преподаванія Закона Божія, 4) краткій учебный годъ и 5) инородческой составъ населенія Бессарабіи, какъ препятствія въ преподаваніи, 6) о средствахъ, 7) объ ихъ расходованіи и контролѣ, 8) объ уѣздныхъ отдѣленіяхъ и ихъ отношеніи «къ руководящему церковно-школьному центру», 9) о взаимоотношеніи учащихся и завѣдующихъ.

Такъ какъ составъ предполагаемаго съѣзда болѣе или менѣе уже извѣстенъ, то своевременно будетъ припомнить о бывшемъ, приблизительно въ этомъ составѣ, съѣздѣ и вынесенныхъ имъ постановленіяхъ параллельно вопросамъ, предложеннымъ о. Епархіальнымъ Наблюдателемъ 28 января сего года.

1. Съѣздъ о. о. уѣздныхъ наблюдателей 12—15 ноября 1908 года рѣшилъ «на будущее время не открывать такихъ школъ, условія открытія коихъ не удовлетворяли бы требованіямъ, соблюдаемымъ при внесеніи школъ въ школьную сѣть».

Съѣзду нынѣшняго года, очевидно, предстоитъ, проанализировать существующую обстановку церковно-приходской жизни, высказаться,—такія ли крупныя измѣненія въ строѣ церковной жизни къ лучшему произошли за эти четыре года и много ли богаче церкви стали за это время, и каждая ли церковь «можетъ приютить подъ своей сѣнью церковную школу?»

Должно быть, на съѣздѣ будетъ поставленъ и такой вопросъ: для школы, прежде всего, нужны ученики; если взять средній приходъ, какихъ большинство въ Бессарабіи, съ числомъ дѣтей школьнаго возраста въ 100 душъ, гдѣ есть уже земская или министерская школа, вмѣщающая 50 душъ, а остальные 50 по общему порядку у насъ въ школу не ходятъ и ходить не будутъ до установленія въ законодательномъ порядкѣ обязательности обученія, и если эта—земская или министерская школа обеспечена зданіемъ, *бесплатными* письменными принадлежностями, *чего* у насъ нѣтъ, и школьными пособіями, а если въ томъ приходѣ открыть еще церковную школу—будетъ ли служить она слава церкви? Вопросъ такой непременно нужно поставить, потому что многіе настаиваютъ, будто Вѣдомство Православнаго Исповѣданія заботится не о качествахъ своихъ школъ, а о количествѣ.

2. По вопросу объ обеспеченіи школъ правоспособными учителями Епархіальный Училищный Совѣтъ, вмѣстѣ со съѣз-

домъ, настаивалъ — побудить наиболѣе способныхъ изъ учащихъ.... озаботиться приобрѣтеніемъ этого званія до 1 января 1910 года».

Что можно было сдѣлать Сольше? Въ дополненіе къ этому на будущемъ съѣздѣ, должно быть, возникнетъ и такой вопросъ: кто нужнѣе нашимъ школамъ: правоспособный ли семинаристъ (духовной семинаріи) и окончившая епархіальное училище, или неспособный (на первыхъ порахъ своей службы), но получившій специальную подготовку въ нашихъ второклассныхъ школахъ и очень дорожащій учительскимъ мѣстомъ. Что въ высшей степени желательны, какъ учителя, окончившіе церковно учительскія школы—двухъ мнѣній не можетъ быть, но откуда ихъ взять для всѣхъ нашихъ школъ.

Съ другой стороны, вопросъ о педагогической опытности даннаго лица, окончившаго извѣстное учебное заведеніе, заключаетъ въ себѣ и вопросъ—насколько данное лицо соответствуетъ цѣлямъ и задачамъ церковной школы; вѣдь бываетъ, что очень опытный и знающій педагогъ не можетъ быть терпимъ въ церковной школѣ по своимъ взглядамъ на ея цѣли и задачи. Мнѣнія лицъ школьнаго надзора и ихъ наблюденія надъ учителями изъ разныхъ учебныхъ заведеній весьма интересны и поучительны.

3. О преподаваніи Закона Божія съѣздъ о. о. уѣздныхъ наблюдателей сдѣлалъ очень стильное постановленіе, которое врядъ ли можно усилить, если быть справедливымъ и держаться принципа, принятаго Святѣйшимъ Синодомъ во Всеподданнѣйшемъ Докладѣ (Епарх. Вѣдомости № 4 стр. 23): «несомнѣнно, что трудъ безплатный въ значительной степени ниже труда оплачиваемаго, и потому въ интересахъ самаго дѣла требуется чтобы..... трудъ..... былъ вознагражденъ?! Впрочемъ, къ такому выводу и съѣздъ 1908 года пришелъ, когда постановилъ «ходатайствовать предъ Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ объ ассигнованіи изъ казенныхъ...» средствъ.... ежегодно.... на жалованье.... законоучителю 60 руб. Но въ другомъ мѣстѣ о. о. Наблюдатели нашли, что «справедливо было бы, если бы священникъ, не исполняющій своей обязанности по законоучительству, выдавалъ учителю.... за преподаваніе Закона Божія

вознагражденіе изъ *своихъ средствъ*». Въ самомъ дѣлѣ—было бы это справедливо?

4. По вопросу о продолжительности учебнаго года съѣздъ 1908 года сдѣлалъ категорическое постановленіе. Конечно, оно за четыре года жизнью не осуществлено вполнѣ, но уже у насъ есть школы—одноклассныя,—гдѣ учебный годъ начинается съ 1 сентября, а оканчивается ровно 20 мая, чего ни въ одной министерской или земской школѣ моего района нѣтъ.

5. При сужденіи относительно инородческаго состава населенія, какъ препятствія въ успѣхѣ преподаванія, о чемъ съѣздъ 1908 года какъ будто не говорилъ, необходимо будетъ вспомнить программу преподаванія Закона Божія въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ вѣдѣнія М. Н. Пр. выработанную въ засѣданіи Бѣлецкаго Уѣднаго Отдѣленія Кишиневскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта—не знаю—можетъ быть и другія уѣздныя отдѣленія работали надъ этой программой,—*примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ* согласно пожеланію Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Серафима. Эта программа напечатана въ формѣ циркулярнаго распоряженія Бѣлецкаго уѣднаго Училищнаго Совѣта 28 іюля 1911 года № 2643. Правда, тамъ только о Законѣ Божіемъ говорится, но важно то, что вопросомъ этимъ уже занялись и такое или иное рѣшеніе для свѣтскихъ школъ онъ получилъ. Развѣ эта, *примѣнительная къ мѣстнымъ условіямъ* программа, не можетъ быть принята церковными школами?

6. Вопросъ о привлеченіи мѣстныхъ средствъ—отъ общества, земствъ, городовъ, церквей и монастырей какъ будто не привлекъ вниманія о.о. наблюдателей въ 1908 году. Вопросъ въ высшей степени важный, но говорить о немъ трудно за отсутствіемъ свѣдѣній о размѣрѣ имѣющихся изъ этихъ источниковъ средствъ. Поэтому очень было бы желательно знать *до сѣтзда*,—какія средства отпускались на нужды церковныхъ школъ Бессарабіи—казной, земствами, городами, монастырями и т. д. хотя въ 1911 году.

За то съѣздъ 1908 года возбудилъ другой очень важный вопросъ, повидимому не получившій удовлетворительнаго разрѣшенія,—относительно ассигнованія на содержаніе церковныхъ

школь епархіи изъ казенныхъ средствъ, дополнительно къ прежнимъ еще 25000 рублей.

Вопросъ о средствахъ содержанія церковныхъ школь, построенныхъ на монастырскихъ имѣніяхъ заграничныхъ духовныхъ установленій въ Бессарабіи долженъ быть выдѣленъ особо и возбудить ходатайство предъ подлежащими учрежденіями объ уравненіи ихъ, въ средствахъ, съ одготипными свѣтскими, построенными въ тѣхъ же имѣніяхъ школами.

7. Сколько извѣстно изъ № 19 Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1909 г.—о расходѣ школьныхъ средствъ, отчетности и контролъ съѣздъ 1908 г. ничего не сказалъ.

8 и 9. Вопросы о. Епархіальнаго Наблюдателя—объ уѣздныхъ отдѣленіяхъ и взаимоотношеніи учащихъ и завѣдующихъ не останавливали въ 1908 г. вниманія о.о. уѣздныхъ наблюдателей, а суровая дѣйствительность требуетъ скорого и категорическаго ихъ разрѣшенія: отъ инертности въ однихъ дѣлахъ и неясности въ другихъ страдаютъ и дѣло и отдѣльныя лица.

Любопытно въ постановленіяхъ съѣзда школьныхъ дѣятелей 1908 года слѣдующее, утвержденное Его Высокопреосвященствомъ, но пока не получившее осуществленія, пожеланіе: «для обмѣна мнѣніями и *ознакомленія* съ постановкой учебно-воспитательнаго дѣла *въ другихъ школахъ* желательно, чтобы по временамъ учреждались собранія завѣдующихъ и учащихъ церковныхъ школь». Что мѣра эта очень важна, что результаты ея могутъ быть только хорошими, уже изъ того видно, что о ней говоритъ не канцелярія, пишутъ о ней не крючкотворцы, а люди жизни, постарѣвшіе и потерявшіе здоровье въ поѣздкахъ по бездорожью нашей Бессарабіи, ближайшіе наши контролеры и руководители нашихъ школь—о.о. уѣздные наблюдатели. Знакомство съ другими школами первое условіе сомокритики собственнаго успѣха и способа веденія дѣла.

Кромѣ того, съѣздъ «школьныхъ дѣятелей»—одно, а съѣздъ завѣдующихъ (и учащихъ), о чемъ я писалъ уже (стр. 1442 Еп. Вѣд. 1912 г.),—совершенно другое. Постановленія съѣзда «школьныхъ дѣятелей», утвержденныя Владыкой, будутъ, конечно, законно обязательны и постепенно, какъ обычныя распоряженія Начальства, будутъ осуществляться въ жизни. Но никто не станетъ отрицать, что прочнѣе, глубже, сознательнѣе и быстрѣе

входить въ жизнь то, что наблюдается, непосредственно нами самими усваивается, что создается при ближайшемъ участіи каждаго изъ насъ. Путь завѣдующаго церковной школой—тернистый путь. Тяжесть его усугубляется полной нашей уединенностью: насъ то знаютъ, за нами много глазъ смотрятъ, но что мы знаемъ? То, что учили въ Семинаріи? Какъ это давно было! Еще мы знаемъ *свою* лишь *школу*, но если на этомъ знаніи остановиться, то главный смыслъ человѣческой работы—моральный прогрессъ и духовное просвѣтлѣніе,—за отсутствіемъ сравненія, будутъ отъ насъ уходить все дальше и дальше. А Начальство будетъ говорить, что мы своего дѣла не знаемъ, и будетъ право.

Священникъ Іоаннъ Долищинскій.

Некрологъ.

9 марта текущаго года не стало въ с. Цыплештахъ, Бѣлецкаго уѣзда псаломщика Іустина Харитоновича Мущинскаго.

Вѣсть о неожиданной смерти всѣми въ селѣ любимаго, Іустина Харитоновича, съ быстротой молніи разнеслась по всѣмъ угламъ маленькой деревушки. Встревоженные прихожане, всѣ отъ мала и до велика, поспѣшили отдать почившему послѣдній долгъ.

Іустинъ Харитоновичъ род. 1 іюня 1848 г.; воспитывался онъ въ Кишиневскомъ уѣздномъ училищѣ; въ 1864 г. епархіальнымъ начальствомъ опредѣленъ былъ исправляющимъ должность псаломщика къ церкви с. Бабинъ, Хотинскаго уѣзда, а въ слѣдующемъ 1865 г. перемѣщенъ къ церкви с. Цыплешть, Бѣлецкаго уѣзда; въ 1866 г. 14 марта посвященъ былъ въ стихарь, а въ 1899 г. 15 декабря утвержденъ въ должности псаломщика с. Цыплешть, гдѣ и проходилъ свою службу честно до гроба.

Прихожане горячо любили и чтили «мошу даскала» за его, въ высшей степени, хорошій характеръ. Онъ былъ отзывчивъ на все хорошее. Въ теченіе всей своей жизни покойный много заботился объ украшеніи св. храма, покупая для этого на свои средства иконы, книги, церковныя облаченія, большой, довольно дорогой колоколь для новопостроенной церкви и много другихъ;

въ трудныя минуты жизни онъ всѣмъ оказывалъ помощь—кому чѣмъ могъ.

Деревня въ лицѣ его лишилась сейчасъ хорошаго чтеца и руководителя въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Памятны мнѣ его бесѣды и чтенія, устраиваемыя имъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Предъ моимъ взоромъ открывается довольно живописная картина этихъ чтеній... «Мошу даскалу» сидитъ на заваленкѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ прихожанами, пришедшими послушать бесѣды и чтенія «мудраго старца...». Вокругъ него тишина... Іустинъ Харитоновичъ плавно, внятно и съ чувствомъ читаетъ жизнеописанія святыхъ, событія изъ св. исторіи, рассказы и поученія изъ «Луминъторюл»—и все на молдавскомъ понятномъ для всѣхъ слушателей языкѣ... Почти всѣ прихожане знаютъ всю св. исторію и молитвы изъ его устъ.

Наша деревня не изъ богатыхъ и священники, пробывъ года два на приходѣ, уходятъ на другіе, большіе приходы, и прихожане вслѣдствіе этого часто надолго остаются безъ священника—руководителя и наставника въ религіозно-нравственной жизни. Въ такое то время, когда село оставалось безъ пастыря, Іустинъ Харитоновичъ съ особенною силою проявлялъ свою дѣятельность. Онъ въ воскресные дни, чуть свѣтъ, созывалъ прихожанъ въ домъ Божій и злѣсь, безъ священника, читалъ положенное по уставу; прихожане съ любовью относились къ его дѣятельности: они всегда заполняли церковь или деоръ Іустина Харитоновича, вмѣсто того, чтобы болтаться около шинка, или вмѣсто того, чтобы валяться подъ заборами, какъ это часто бываетъ съ крестьянами въ другихъ селахъ.

Да, много хорошаго и полезнаго сдѣлалъ Іустинъ Харитоновичъ за 48-лѣтнее пребываніе его въ Цыплештахъ, и теперь, вспоминая протекшую его жизнь, чувствую, что что-то дорогое оторвалось отъ сердца. Но такова ужъ доля человѣка на землѣ: всѣмъ положено умереть. И все таки боль души сильна, когда подумаешь, что Іустинъ Харитоновичъ довольно рано отошелъ къ праотцамъ: вѣдь онъ умеръ всего 65 лѣтъ. И награди его

Богъ большимъ количествомъ дней, онъ многое могъ бы еще сдѣлать на благо ближнихъ своихъ...

Миръ праху твоему, дорогой Іустинъ Харитоновичъ!

Ө. Н. Падурарь.

Объ анонимныхъ писателяхъ.

Я всегда смотрю на носителей благодати священства, какъ на лицъ, которымъ нравственная чуткость, нравственная щепетильность должна быть присуща въ нѣсколько большей степени, чѣмъ «простымъ смертнымъ».

Въ самомъ дѣлѣ, мы, вѣдь, вожди, соль земли, руководители, отцы!.. И развѣ не естественно прилагать къ намъ масштабъ иной, чѣмъ къ остальнымъ? «Кому много дано, съ того много взыщется»...

Напримѣръ, призадумаемся надъ анонимами.

По теоріи словесности, это такая форма литературнаго слова, когда авторъ намѣренно скрываетъ свое имя по какимъ-либо побужденіямъ. Для словесника этого достаточно знать. Но для нравственной критики важно знать и другое, именно: а почему авторъ скрываетъ свое имя?

Я лично представляю себѣ два отвѣта:

1) Авторъ скрываетъ свое имя изъ смиренія, изъ скромности. Раскрывая извѣстную истину, онъ ее и выдвигаетъ на первый планъ. Скрывая свое имя, онъ заботится, какъ бы личность не была предпочтена истинѣ (особенно если авторъ лицо большое). Всякія возраженія на такой анонимъ автору его могутъ доставить лишь пользу и удовольствіе, такъ какъ его цѣль (служеніе истинѣ) такимъ образомъ достигается наилучше. Въ такихъ писаніяхъ, по сознанію автора, субъектъ не имѣетъ никакого значенія, важно объективное рѣшеніе вопроса. А что личность автора иногда имѣетъ большое значеніе при оцѣнкѣ извѣстнаго письменнаго труда, то въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто возьметъ на себя трудъ прочесть хотя бы писаніе Льва Толстого. Сколько тамъ есть вещей, которыя увидѣли свѣтъ

только благодаря подписи подъ ними Льва Толстого и которыя увеличили-бы лишь содержимое редакторскихъ корзинокъ, если бы подъ ними были подписи обыкновенныхъ «невѣдомыхъ міру» писателей?!..

2) Авторъ скрываетъ свое имя страха ради. И здѣсь авторъ иногда горитъ любовью къ истинѣ, но большей частью на первый планъ выдвигается чувство «самосохраненія», нѣчто субъективное. Этотъ родъ писаній, по моему, заслуживаетъ особенной оцѣнки.

Первый мотивъ анонимовъ (смиреніе) можно назвать нравственно безразличнымъ, даже болѣе, можно подвести его подъ евангельское правило: «творите «Милостыню» вашу въ тайнѣ»... Но во второмъ случаѣ, повторяю, эта оцѣнка ужъ никакъ не примѣнима.

Обыкновенно, въ этихъ случаяхъ анонимные авторы заботятся не столько объ объективной истинѣ, сколько о сведеніи счетовъ съ кѣмъ-нибудь. Въ такихъ писаніяхъ сплошь и рядомъ задѣваются тѣ или иныя личности, что лишаетъ безпристрастія вопросъ выясненія истины. Мнѣ кажется, не будетъ ошибкой сравнить такихъ «писателей» съ тѣми молодцами, которые «изъ-за угла камни бросаютъ». Возьмемъ примѣръ изъ недалекаго прошлаго:

1) «Захолустному попу Ивану» (анонимъ) не понравилось описаніе экскурсіи, сдѣланное о. Н. Стойковымъ. Можно было бы указать недочеты этого описанія, не задѣвая о. Николая, въ интересахъ объективной истины. Но это, видите-ли, было-бы не достаточно остроумно и кромѣ того не «разъясняло-бы» о. Стойкова, подражателя-де Петрова и К-о, что, повидимому, и было главной задачей захолустнаго попа!.. И вотъ пошло взаимное обливаніе помоями другъ друга, которому мѣсто во всякомъ случаѣ не среди благовоспитанныхъ людей. Неужели захолустный попъ Иванъ не могъ съ открытымъ лицомъ, по братски, указать о. Н. Стойкову, что у него, по его, не ладно. Даже язычники, отправляясь на «брань», говорили противникамъ: «иду на

вы». Не справедливо-ли отъ христіанскихъ пастырей ожидать большаго уровня?..

2) Другой «Захолустный попъ» изъ Бѣлецкаго уѣзда, въ «Бессарабской Жизни» (№ не помню) предлагаетъ радикальное средство противъ иннокентіевщины. Кажется: заключить Иннокентія въ монастырь подъ надзоръ двухъ «добрыхъ» отцовъ, назначить викарнаго архіерея-молдаванина для частыхъ объѣздовъ зараженныхъ мѣстъ и т. д. Статья написана съ явнымъ бросаніемъ камней въ «нѣкій огородъ», охранитель котораго можетъ съ успѣхомъ снять шкуру съ «захолустнаго попа».

Почему-бы, опять скажу захолустному попу (и придумаютъ же себѣ кличку; вѣдь, такъ можно и до держиморды дойти) съ открытымъ лицомъ, въ докладѣ, или въ другой какой-либо формѣ не изложить совершенно объективно (безъ кусанія) свой взглядъ на дѣло? Недовѣріе къ Архіерею, къ начальству?! Но тогда какой-же смыслъ анонимки въ «Бессарабской Жизни», которую можетъ быть даже и не читали тѣ, «кому вѣдать надлежитъ?». Явно, что главное не истина, не дѣло, а пикированіе, бравированіе съ маской на лицѣ (все равно какъ въ маскарадѣ).

3) Еще кто-то (кажется, «901» (!) въ Бессарабской-же Жизни полемизируетъ съ о. А. Евстратьевымъ по вопросу объ епархіальномъ строительствѣ. Попутно обдаетъ Епарх. Вѣд. такимъ презрительнымъ кивкомъ (моль, давно не беру ихъ въ руки), который я иначе не могу назвать, какъ плеваніемъ въ самага себя (рикошетомъ). Вопросъ о строительствѣ такой невинный, что единственное объясненіе анонимности статьи можно видѣть въ желаніи автора безнаказанно «пободаться»...

Примѣровъ можно-бы привести много, но не въ примѣрахъ дѣло, а въ принципахъ.

Какъ духовенство должно относиться къ анонимному писательству?

Думается мнѣ, что единственно правильнымъ и категорическимъ рѣшеніемъ можетъ быть слѣдующее:

Въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ въ своей статьѣ раскры-

ваетъ объективную истину, безъ всякаго касательства къ чьей-бы то ни было личности, анонимъ допустимъ и ничего безнравственнаго въ себѣ не заключаетъ.

Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда анонимъ направленъ противъ извѣстной личности и заключаетъ въ себѣ страстный субъективный элементъ, онъ заслуживаетъ нравственнаго осужденія.

Есть извѣстный минимумъ нравственности, обязательный для всѣхъ, а тѣмъ болѣе для священниковъ, которымъ требуется: а) порядочность (въ данномъ случаѣ прямолинейность), б) справедливость (не обижай другихъ) и 2) чистоплотность (категорическое отрицаніе іезуитскаго: «цѣль оправдываетъ средство»). Поэтому, анонимы (второго сорта) справедливо приравнять къ анонимнымъ письмамъ и доносамъ, которыми занимаются...?

Конечно, пограніе человѣческой и божеской правды съверху и съ разныхъ сторонъ бываетъ иногда такъ возмутительно и явно, что молчать бываетъ нельзя и камни должны бы возопить. Но опять, по моему, даже и въ самыхъ крайнихъ случаяхъ не надо бросать камней изъ-за угла, не надо обличать изъ-за чужой спины, шпынять черезъ ширму. И тутъ мы должны остаться честными, мужественными, христіанскими священниками. Примѣрами для насъ должны служить не «уличные подкальватели», а обличитель Царя Ирода—Предтеча Христовъ, сонмъ мучениковъ, святители: Іоаннъ Златоустъ, Митрополитъ Филиппъ, Патріархъ Гермогенъ и др.

Исключительно мужествомъ своимъ, прямолинейностью, любовью къ истинѣ, запечатлѣнною кровью, они доставили этой истинѣ торжество. И такъ будетъ во всѣ времена!

Увѣряю васъ, отцы, что сколько-бы вы ни «пописывали» подъ «прикрытіемъ», это никакой пользы для водворенія «правды Божіей» не принесетъ, а только лишь ухудшитъ дѣло. «Слѣва» на насъ будутъ плевать, а «справа» насъ будутъ топтать, ибо мужественные берутъ «города», а трусовъ удѣлъ—«подъяремное бытіе».

Выводъ такой. Мы должны или молчаливо «терпѣть» зло, или мужественно, но честно и открыто бороться съ нимъ. Другого выхода для порядочнаго священника я не нахожу.

Священникъ *І. Руссулъ*

ИЗЪ ЦЕРКОВНО-ШКОЛЬНЫХЪ ВОПРОСОВЪ.

Въ юнѣ мѣсяцѣ т. г. предположенъ съѣздъ церковно-школьныхъ дѣятелей епархіи, поэтому случаю о. епархіальный наблюдатель предлагаетъ духовенству епархіи высказаться по школьнымъ вопросамъ на страницахъ Епарх. Вѣдомостей.

Мнѣ хочется обратить вниманіе будущихъ участниковъ съѣзда на одну ненормальность въ нашемъ церковно-школьномъ дѣлѣ.

«Было-бы нормально, пишетъ о. епархіальный наблюдатель, чтобы каждый приходской храмъ пріютилъ подъ своею сѣнью и церковную школу»... «Въ отношеніи педагогической подготовленности и образовательнаго ценза учащаго персонала церковныхъ школъ Бессарабія замѣтно отстаетъ отъ другихъ епархій Россіи».

Подчеркнутая о. наблюдателемъ ненормальность вытекаетъ изъ другой ненормальности, на которую я и хотѣлъ обратить вниманіе. Ненормальность эта—неодинаковое распредѣленіе училищнымъ Совѣтомъ между церквами епархіи пособій на церковно-приходскія школы.

Всѣ церкви епархіи обложены одинаковымъ сборомъ на церковно-приходскія школы, на этотъ же предметъ производятся во всѣхъ церквахъ епархіи спеціальныя сборы. Значитъ, всѣ церкви епархіи имѣютъ одинаковое право на пособіе изъ суммъ училищнаго Совѣта при открытіи церковной школы. Между тѣмъ однимъ школамъ пособіе выдается иногда довольно даже щедро, другимъ отказывается въ такомъ пособіи даже тогда, когда это пособіе наиболѣе имъ необходимо, т. е. при ихъ возникновеніи. Въ послѣднемъ случаѣ священникъ, не получивъ во время поддержки со стороны училищнаго Совѣта, бываетъ вынужденъ или отказаться отъ открытія церковной школы или же открыть таковую на недостаточныя мѣстныя средства и допустить къ пре-

подаванію *дешеваго* учителя безъ достаточной педагогической подготовленности и образовательнаго ценза», т. е. допустить другую ненормальность, на которую обращаетъ вниманіе о. наблюдатель.

И если существеннымъ является вопросъ о правильномъ и цѣлесообразномъ расходованіи школьныхъ суммъ на мѣстѣ, въ школахъ, и объ отчетности и контролѣ надъ поступленіемъ и расходованіи этихъ суммъ,— то не менѣе существеннымъ долженъ быть и вопросъ о болѣе справедливомъ и равномерномъ распредѣленіи пособій изъ училищнаго Совѣта. А то бываетъ такъ, что священникъ, заручившись обѣщаніемъ уѣзднаго отдѣленія пособія въ опредѣленномъ размѣрѣ, изыскиваетъ на мѣстѣ необходимыя для открытія школы средства, увѣривъ своихъ прихожанъ, что за пособіемъ остановки не будетъ. И вдругъ, когда все на мѣстѣ сдѣлано, средства изысканы, приговоръ составленъ, утвержденъ,—изъ отдѣленія сообщаютъ: денегъ нѣтъ, никакого пособія школѣ не будетъ, изворачивайтесь, какъ знаете. И является священникъ въ глазахъ своей паствы лжецомъ. А тутъ къ услугамъ общества любое вѣдомство съ благодарностью принимаетъ ассигнованныя обществомъ на школу деньги, а недостающія доассигновываетъ ихъ своихъ средствъ. И на мѣсто церковной школы появляется министерская или земская школа. А наше вѣдомство будетъ продолжать отмѣчать ненормальность отсутствія при каждой приходской церкви церковной школы.

Священникъ Н. Стойковъ.

По поводу отвѣта «старога Захолустнаго попа».

(Еп. Вѣд. № 9).

Никогда и нигдѣ я не писалъ, что мои прихожане «церкви не посѣщаютъ даже на Пасху». Это ложь. Моя замѣтка въ № 12 Еп. Вѣд. за 1912 годъ говоритъ о праздничномъ разгулѣ вообще, и столько же относится къ моимъ прихожанамъ, сколько и къ прихожанамъ о. «старога попа»; и еще вопросъ къ кому она больше примѣнима:—къ моимъ или вашимъ прихожанамъ, старче.

Что написанное мною о Москвѣ не фантазія, это подтвердятъ всѣ экскурсанты, о чемъ и прошу ихъ; ваши же «голые

факты» такъ и придется принимать на вѣру. Да и не въ нихъ центръ тяжести: я вѣдь ими не интересовался.

Изъ того, что встрѣча Москвой митр. Макарія была очень торжественна, ни по какой логикѣ не слѣдуетъ, что и насъ Москва должна была такъ встрѣтить.

Вашъ вчерашній идолъ Иліодоръ оказался для васъ сегодня сумасшедшимъ,—я то при чемъ тутъ?

Споръ какого-то Восмистишіева съ какимъ то протоіереемъ къ дѣлу не относится, и есть съ вашей стороны попытка использовать въ цѣляхъ провокаціи старыя сплетни.

Что съ вашими взглядами *«на вещи настоящаго времени»* (слишкомъ неопредѣленно сказано) согласны не только измаильцы, но и большинство пастырей Аккерманскаго уѣзда, позволительно сомнѣваться. Назвалъ я васъ убѣленнымъ сѣдинами, ибо вы сами изволили рекомендовать себя *«старымъ попамъ»*, лгать никому не дозволено, а тѣмъ болѣе старцу, видѣвшему трехъ Россійскихъ Императоровъ и принимаемому по наружному виду за о. Іоанна Кронштадтскаго.

Священникъ Н. Стойковъ.

Къ свѣдѣнію бессарабскаго духовенства и, въ частности, приходовъ, зараженныхъ Иннокентіевщиной.

Число «иннокентіевцевъ» возросло до небывалыхъ размѣровъ. Весьма трудно убѣдить иннокентіевца въ томъ, что монахъ Иннокентій или самообольщенный фанатикъ—ложный пророкъ—или форменный обманщикъ. Въ проповѣди убѣждающаго въ эгомъ священника иннокентіевецъ готовъ видѣть всегда заднюю мысль—или зависть по отношенію къ отцу Иннокентію или даже боязнь въ отношеніи къ нему. Мною случайно найденъ въ Миссіонерскомъ Сборникѣ за одинъ изъ прошлыхъ годовъ рассказъ—«Исповѣдь Архимандрита Паисія», попавшаго въ молодые годы полному діавольскому обольщенію. Помощью діавола Паисій, въ мірѣ Василій, не только угадывалъ мысли чужія, но даже творилъ нѣкоторыя ложныя чудеса—изгонялъ бѣсовъ и прочее. Благодаря діавольскому навѣту, Василій сильно распространилъ среди окружающихъ хлыстовскія идеи—духовныя связи муж-

чинъ и женщинъ и проч. Исповѣдь написана очень увлекательно и я перевелъ ее на молдавскій языкъ.

Въ своемъ приходѣ, только благодаря этой исповѣди, мнѣ кажется, было пріостановлено увлеченіе Иннокентіемъ. Переводъ помѣщенъ въ журналъ Луминаторюль за мѣсяцы февраль и мартъ но еще не доконченъ. (Окончаніе будетъ въ апр. книжкѣ).

Издается исповѣдь и отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ «*Алдойля Иннокентій*» (Второй Иннокентій). Цѣна брошюры 12 коп.

Выписать можно изъ Епархіального книжнаго склада, изъ магазина Спынула и Кара-Стойнова, а также отъ меня по адресу: *Почтовое Отд. Талмазы* священнику с. Поповки.—Выписывающіе 100 брошюръ платятъ 11 руб.

Священникъ Гавріиль Нагачевскій.

Епархіальная хроника.

◆ 23 марта въ 5 ч. вечера въ кафедральномъ соборѣ всенощную совершилъ ключарь собора при пѣніи псаломщического хора. Въ концѣ всенощной Преосвященнымъ Гавріиломъ было сказано слово.

◆ 24 марта, въ 4-ю недѣлю Великаго поста, въ 9 ч. утра въ кафедральномъ соборѣ божественную литургію совершилъ Преосвященный епископъ Гавріиль въ сослуженіи соборнаго духовенства при пѣніи архіерейскаго хора. Во время причастнаго протоіерей В. Гумма сказалъ поученіе о чрезвычайныхъ дарованіяхъ Святаго Духа и дѣйствіяхъ духа злобы. За богослуженіемъ Преосвященнымъ были посвящены въ стихарь воспитанники 6 класса духовной семинаріи: Бокуновскій Александръ, Симашкевичъ Филиппъ, Цыбулякъ Георгій, Нѣмцанъ Григорій, Полянскій Θεодоръ, Поповичъ Виссаріонъ; іеродіаконъ Гиржавскаго монастыря Стахій въ іеромонаха, окончившій курсъ семинаріи Михаилъ Маданъ въ діакона.

Въ тотъ-же день въ 5 ч. вечера, наканунѣ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, всенощную въ кафедральномъ соборѣ совершилъ Высокопреосвященный Серафимъ въ сослуженіи собор-

наго духовенства, протоіерея К. Поповича, епарх. наблюдателя школь В. Базарянинова, свящ. А. Вылкова и Н. Тимотина при пѣнні архіерейскаго хора, а въ митрополіи Преосвященный Гавріиль въ сослуженіи монашествующаго духовенства при пѣнні псаломщическаго хора.

Въ соборѣ, увидѣвъ, что исповѣдь совершается открыто и стѣсна отъ близкаго присутствія народа, Владыка Серафимъ преподаль указанія о томъ, что исповѣдь должна быть совершаема священникомъ закрыто, на клиросѣ за ширмой, чтобы кающійся исповѣдывалъ свои грѣхи втайнѣ исвободно.

◆ 25 марта въ 9 ч. утра въ кафедральномъ соборѣ божественную литургію совершилъ Высокопреосвященный Архіепіскопъ Серафимъ въ сослуженіи того-же духовенства при пѣнні того-же хора. За богослуженіемъ Владыкой былъ рукоположенъ въ діакона псаломщикъ с. Широуць Владиміръ Юсипенко, посвящены въ стихарь ученики 6 класса семинаріи Лунга Петръ, Дмитріу Владиміръ, Мунтянъ Александръ, Антоновичъ Андрей, Молявинъ Анатолій, Чакиръ Николай.

Въ митрополіи божественную литургію совершилъ Преосвященный Гавріиль въ сослуженіи монашествующаго духовенства при пѣнні псаломщическаго хора. За богослуженіемъ Преосвященнымъ рукоположены въ іеромонаха іеродіаконъ Гинкульскаго монастыря Венедиктъ, и въ діакона псаломщика г. Кіева Никита Вустянь.

Въ тотъ-же день въ Серафимовскомъ епархіальномъ домѣ въ 7 ч. вечера состоялась 35-я духовно-просвѣтительная бесѣда по слѣдующей программѣ: «Господи, силою Твоею возвеселится царь». Муз. А. Бортнянскаго. О царской власти съ библейской точки зрѣнія. Чтеніе препод. Киш. дух. семинаріи Н. Н. Колоколова. «Радуйтеся Богу, Помощнику нашему». Концертъ Д. Бортнянскаго. «Распространеніе атеистическихъ и соціалистическихъ идей служитъ причиной роста преступности среди интеллигенціи». Чтеніе прот. Михаила Чакира. «Моя вѣра, надежда и любовь». Муз. В. Орлова. Св. Анастасія-Узорѣшительница. Чтеніе свящ. Іоанна Бивола. «Къ Богородицѣ прилежно». Муз. А. Гречанинова.

Пѣль архіерейскій хоръ подѣ управленіемъ священника регента о. М. Березовскаго.

◆ 26 марта въ 6 ч. вечера въ Серафимовскомъ епархіальномъ домѣ было засѣданіе Совѣта Христорождественскаго Братства подѣ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Гавріила.

◆ 27 марта въ 7½ ч. вечера въ архіерейскихъ покояхъ митрополіи подѣ предсѣдательствомъ Высокопреосвященнѣйшаго Серафима было засѣданіе Кишиневскаго епархіальнаго миссіонерскаго совѣта, въ присутствіи Преосвященнаго Гавріила, д. с. с. А. М. Пархомовича и другихъ членовъ. Секретарь Совѣта Н. Г. Главатинскій докладывалъ донесенія духовенства объ «Иннокентіевщинѣ», на которыя Владыка Серафимъ дѣлалъ свои замѣчанія.

Надо,—говорить Владыка,—различать говорящихъ дома у себя объ Иннокентіи отъ обходящихъ села и деревни пропагандистовъ имени его; а въ сказаніяхъ объ Иннокентіи и ученіи его различать главное отъ второстепеннаго.

Вѣрять могутъ только тѣ послѣдователи Иннокентія, которые готовы на смерть за него, ибо между ними есть и приближенные его и находящіеся въ сторонѣ.

Обращать особенное вниманіе на характеръ Иннокентьевщины, на то, къ чему она ведетъ, ибо это многосложное явленіе—государственное, семейное и церковное. И это явленіе не прекратится съ исчезновеніемъ Иннокентія. Оно коснется и уменьшенія платы за требы духовенству, потребуетъ регламентаціи ея.

Не будемъ воображать, что у насъ стало лучше. Послѣдимъ и за аѳонцами, угрожающими новыми бѣдствіями, ибо они съ именемъ «Іисусъ» произвели революцію и анархію даже на Аѳонѣ. Это-ли не дѣвольщина?

Есть зло міровое, противъ котораго мы не можемъ ничего успѣть,—Одинъ Господь побѣдитъ его; противъ-же другого зла мы можемъ противостать.

Вслѣдствіе ходатайства Одесскаго братства о разрѣшеніи перепечатать изъ № 11 Кишин. Еп. Вѣд. статьи противъ Иннокентія постановлено разрѣшить. Кишиневскому братству послать первому статьи изъ Еп. Вѣдомостей и листки, направленные противъ Иннокентьевщины.

По поводу доклада одного миссіонера, что сельскіе священники въ его присутствіи стѣснялись служить и говорить народу по молдавски, Владыка Серафимъ опять подтвердилъ, что онъ никогда не возбранялъ священникамъ совершать для молдованъ богослуженія и проповѣдь на родномъ ихъ языкѣ, а всегда даже требуетъ этого отъ духовенства; изъ отзывовъ—же присутствовавшихъ членовъ выяснилось, что сами молдоване желаютъ церковнаго богослуженія и на русскомъ языкѣ не менѣе, чѣмъ на молдавскомъ, и гдѣ въ приходахъ смѣшанное населеніе, тамъ и богослуженіе совершается смѣшанное—по молдавски и славянски.

Въ тотъ-же день въ 4 ч. вечера въ митрополіи канонъ четверга 5-й недѣли поста прочиталъ Преосвященный Гаврииль въ сослуженіи монашествующаго духовенства при пѣніи псаломщического хора.

◆ 28 марта въ 8¹/₂ ч. вечера въ Серафимовскомъ епархіальномъ домѣ былъ единственный концертъ піаниста—виртуоза Владиміра Ананіевича Попова, уроженца г. Кишинева.

◆ 29 марта въ 5 ч. вечера, похвалу (акаѳистъ) Божіей Матери въ митрополіи предъ Гербовецкимъ чудотворнымъ образомъ Ея совершилъ Высокопреосвященный Архіепископъ Серафимъ въ сослуженіи монашествующаго духовенства при пѣніи архіерейскаго хора.

Замѣтка.

Насъ просятъ заявить, что книгу И. В. Преображенскаго— „Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ“... слѣдуетъ выписывать изъ кн. магазина „Вѣра и Знаніе“—СІІБ. Невскій, 119. У автора въ продажѣ ея не имѣется.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

КНИГА:

„СЛОВА, БЕСѢДЫ И РѢЧИ“

ПРЕОСВЯЩЕННАГО

С Е Р А Ф И М А

нынѣ Архіепископа Кишиневскаго и Хотинскаго,

„съ епархіальной хроникой и распоряженіями его“.

Можно приобрѣсти въ Кишиневской церковной лавкѣ, въ Митрополіи. Цѣна 2 руб.

Подробности въ библиографической замѣткѣ, въ № 21 Квш.

Епарх. Вѣд. за 1910-й годъ, отд. веоффиц. стр. 884—888.

По благословенію въ Бозѣ почившаго Владыки Митрополита Антонія отъ 28 сентября 1912 г. (Указъ свят. Синода на имя преосвящ. Никандра Еп. Нарвскаго отъ 20 ноября за № 17 и 781) и Высочайшемъ разрѣшенію безпошлиннаго пропуска въ Россію (отъ 29 окт.)

съ 1913 г. издается въ Берлинѣ на русскомъ языкѣ 2 раза въ мѣсяць, Богословскій и церковно-общественный журналъ

„ЦЕРКОВНАЯ ПРАВДА“

подъ редакціей протоіерея А. П. Мальцева и при ближайшемъ участіи
А. А. Папкова (С.-Петербургъ).

Подписная плата: 6 руб. въ годъ (съ пересылкой) принимается:
1) у протоіерея Алексѣя Петровича Мальцева: Берлинъ—Berlin-Borsigwalde, Herrn Propst Maltzew — почтовымъ переводомъ или въ обыкновенномъ денежномъ пакетѣ со вложеніемъ 6 руб. русскими бумажками;
2) СПБ, Мал. Посадская, д. 26, у Александра Александровича Папкова
и 3) въ книжныхъ магазинахъ Т-ва «Новаго Времени», у Тророва, Глазунова, Карбасникова, при редакціи журнала «Европейская Жизнь», (СПБ., Невскій 94) и во всѣхъ крупн. книжн. торговляхъ.

Редакторъ неофіціального отдѣла, статскій совѣтникъ
преподаватель духовной семинаріи Василій Курдиновскій.

Печатать дозволяется. Кишиневъ. 31 марта 1913 года.

Цензоръ д. с. с. Андрей Пархомовичъ.

„Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости“

№ 191 г.

Количество 5 экземпляровъ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

№ 14.

Воскресенье, 7 апрѣля.

1913 г.

КИШИНЕВЪ.

Епархіальная типографія. Харалампіевская ул., № 42.